

НАДЯ ЛАХМАН

ТЕМНЫЙ ЛОРД
И
КНЯГИНЯ НОЧИ

Надя Лахман

Темный лорд и княгиня ночи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71662300

SelfPub; 2025

Аннотация

Они считают меня порочной герцогиней, кружащей головы лордам. Загадочной красавицей, носящей черную маску и купающейся в неприлично-жадных взорах мужчин.

Что же... у меня для них целых две новости.

Первая – они ошибаются. Я намного хуже, чем они думают, и охочусь не на их женихов и мужей, а на рыбку крупнее – самого короля.

И вторая – я вовсе не герцогиня...

Кто же я?

Только ночь знает об этом. И когда она настает, я вновь выхожу на охоту, не в силах противиться жажде.

Но даже не догадываюсь, что охота ведется уже на меня...

В тексте есть:

☞ сильная героиня и властный герой

☞ противостояние и притяжение

☞ вампиры (и не только)

☞ эмоции и страсть

☞ интриги и тайны

☞ неожиданные повороты сюжета

☞ обязательный ХЭ

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	46
Глава 5	59
Глава 6	63
Глава 7	72
Глава 8	83
Глава 9	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Надя Лахман

Темный лорд и княгиня ночи

Пролог

Настоящее время

Ее новая игрушка вольготно раскинулась на черных шелковых простынях, утомленная их недавней безудержной страстью. Золотистые, чуть волнистые волосы рассыпались по широким мускулистым плечам, тронутым легким загаром. Мужчина спал, небрежно закинув одну руку за голову – высокий, сильный, великолепно сложенный образчик истинно мужской красоты. И хотя глаза его, чуть раскосые, опущенные длинными, изогнутыми ресницами, были сейчас закрыты, она хорошо помнила их яркую зелень цвета молодой листвы, что так любила ласкать своим взглядом ее соблазнительное тело: от кончиков пальцев на ногах до роскошных, тяжелых, иссиня-черных волос.

«Красивый мальчик, этот эльф, – равнодушно подумала молодая женщина, разглядывая безупречный классический профиль и ведя пальчиком с заостренным длинным ноготком вишневого цвета вниз – туда, где на крепких мужских

бедрах едва держалось легкое шелковое покрывало. – Но он мне уже надоел, пора с ним расстаться». Плавно и бесшумно поднявшись с широкой кровати, что стояла в алькове богатых покоев, в стороне от высоких арочных окон, она направилась прочь, на ходу завязывая пояс длинного кружевного пеньюара, пеной стелившегося за ней по полу, уже позабыв о недавнем любовнике.

За окнами огромного особняка, стоявшего в предместьях столицы, догорал весенний день, раскрашивая вечернее небо малиново-алыми красками заката, и какое-то время красавица бесстрастно наблюдала за тем, как нестерпимо-яркое солнце скрывается за горизонтом, уступая место своей извечной сопернице – холодной желтой луне, так похожей на глаз опасного зверя.

«Сегодня будет отличная ночь для охоты», – подумала она, лениво, как кошка, потягиваясь и улыбаясь собственным мыслям, обнажая при этом белоснежные ровные зубки с чуть заостренными небольшими клыками. Янтарно-вишневые глаза вспыхнули предвкушением и... голодом.

Глава 1

Прошлое

– Леди Алиана! Леди Алиана! – моя служанка, Летти, оглядываясь по сторонам, быстро семенила по заснеженному саду, окружавшему наш особняк. Впрочем, применительно к Летти было бы правильнее сказать «катилась», потому что она была очень пухленькой, а сейчас, зимой, укутанная в многочисленные слои юбок, теплый ватный жакет и шаль, брошенную сверху, и вовсе напоминала мне куклу-неваляшку, подобную той, что родители подарили на мой пятый день рождения. – Леди Алиана, ну где же вы! – в голосе Летти послышалось отчаяние, и я, невольно хихикнув и не желая больше ее мучить, все же вышла из старого мраморного павильона, стоявшего посреди высоких старых дубов, мирно дремавших под тяжелыми снежными шапками.

– Ох, леди, как хорошо, что я вас нашла! – Летти, чьи круглые щеки покраснелись от быстрой ходьбы, затараторила, не давая мне и слова сказать: – ваша матушка велела передать, что пора собираться на бал, ваше платье только что доставили от модистки.

Бал в королевском дворце! Я обреченно закатила глаза, понимая, что Летти права. Мне, как благовоспитанной девице, надлежало впервые отправиться туда в качестве дебютантки. Мой первый сезон! Особенно важный, зимний, когда

в столицу из собственных загородных имений и замков возвращается вся знать, а балы и приемы в домах аристократов следуют один за другим. Волновалась ли я? Конечно! Предвкушала ли, как красивые молодые кавалеры будут кружить меня в танцах? О, да, еще как! От этих мыслей мое бедное девичье сердце, порой, трепетало пойманной птичкой и билось сильнее.

Но еще мне было... очень страшно. Страшно, что мой первый бал пройдет как-то не так, и моя беззаботная жизнь закончится, а на смену ей придет совсем другая, ту, что прочили мне отец с матушкой. Тряхнув головой, я решительно отбросила эти так некстати закравшиеся опасные мысли, и первой направилась в сторону дома, невольно бросив взгляд на небо, еще недавно совсем не по-зимнему ясное. Сейчас же на него набежали темные серые тучи, обещающие скорое ненастье в виде снегопада. «Плохая примета», – невольно подумала я, вслух же сказала совсем другое:

– Идем, Летти, не будем заставлять матушку волноваться.

– Ах, леди Алиана, какая же вы красавица! – говорила Летти спустя несколько часов, рассматривая меня с нескрываемым восхищением. Я была одета в бальное платье, и служанка только что закончила делать мне прическу. Стоя перед старинным ростовым зеркалом в резной деревянной раме, я смотрела на себя и не узнавала.

Мои темные волнистые пряди волос вместо привычных

толстых кос, которые я так любила заплетать дома, были убраны в элегантную высокую прическу, украшенную белоснежным жемчугом, что делало меня несколько старше своего возраста. Глаза карамельного цвета с озорными зелеными искорками, таившимися в их глубине, были умело и едва заметно подведены, так что казались еще выразительнее и ярче. Даже моя кожа, так и не приобретшая к зиме требуемой матушкой идеальной аристократической бледности, казалось сейчас белоснежной.

Или я просто слишком сильно нервничала? Пожалуй, что так. Шелковое платье жемчужного цвета мягко облегалo плечи и высокую упругую девичью грудь, расходясь от тоненькой талии, затянутой в узкий корсет, пышной мерцающей юбкой, и я покружилась, с удовольствием отмечая, как красиво она струится вокруг ног, подобно облачку.

– Вы будете самой красивой дебютанткой на этом балу! – с придыханием прошептала Летти.

– Лиа! – в мои покои ворвался маленький темноволосый вихрь, моя младшая сестра, Эния. Ей было только восемь лет, и ни о каком бале для нее не могло быть и речи, что, впрочем, не мешало ей принимать живейшее участие в его обсуждении и подготовке. – Матушка попросила папеньку достать для тебя алмазное кольцо из сейфа! То самое! – возбужденно выпалила она.

– Ты опять подслушивала, Эния? – я нарочито строго взглянула на мелкую хулиганку, и увидев потупившиеся в

притворном раскаянии хитрые глазки, не сдержала улыбку и обняла ее.

– Найди себе там самого красивого жениха, – горячо шепнула Эния, звонко чмокнув меня в щеку и тут же отстраняясь, заслышав шаги в коридоре.

– Алиана, – в гостиную чинно вплыла моя матушка, графиня Эмилия Розе, как и я, уже одетая в бальное платье. В руках у нее был потертый бархатный футляр винного цвета. – Дорогая, я принесла тебе бабушкино бриллиантовое кольцо.

– Матушка...

– Не спорь со мной, – голос графини стал строже. – Ты прекрасно знаешь, что являться на бал без бриллиантов для юной леди недопустимо, а это, – ее голос все же дрогнул, – единственная достойная вещь, что у нас осталась. – Она вскинула голову и добавила тоном, не терпящим возражений: – И я даже слышать не хочу о том, что оно тебе не нравится.

Я вздохнула, понимая, что ее не переубедить. Увы, матушка была права. Семья Розе хоть и относилась к высшему дворянству и имела очень древние корни, но сейчас едва сводила концы с концами, точнее, как выражался мой отец, «умело пускала пыль в глаза». Большинство наших ценностей были тайно распроданы, и все надежды родителей сходились на том, что им удастся удачно выдать замуж сначала меня, а потом и Энию, и поправить, таким образом, наше плачев-

ное финансовое положение. Даже мое бальное платье было не чем иным, как перешитым умелой модисткой матушкиным подвенечным платьем почти двадцатилетней давности.

Бриллиантовое кольцо, что сейчас застегивала на моей шее матушка, принадлежало нашей бабушке по отцовской линии, почившей много лет назад. И, наверное, было бы продано наряду с другими драгоценностями, если бы не ее завещание, запрещающее продавать или передаривать его. А еще в нашей семье ходили слухи, что гарнитур не приносит счастья замужним дамам, и носить его следует исключительно юным девицам на выданье. «Странно, почему же бабушка, в таком случае, не избавилась от него? И какое именно несчастье оно ей принесло?», – в который раз задумалась я, смотря в зеркало на то, как на моей коже заиграли радужными брызгами прозрачные камни в старинной огранке.

– Ну вот, теперь ты точно готова, – удовлетворенно произнесла матушка, глядя на меня. Я же в ответ смогла выдавить лишь жалкое подобие улыбки. Холодное украшение, плотно обнимающее шею, отчего-то напомнило мне вдруг удавку, с каждой секундой все сильнее сжимающуюся вокруг нее.

Королевский дворец, располагавшийся в самом центре столицы, на одном из ее высоких холмов, сверкал тысячами огней и был виден даже издалека, так что я, сидя в нашей выдавшей виды карете, невольно залюбовалась им, глядя в окошко. Матушка с отцом, меж тем, вели тихий разговор,

содержание которого для меня не было секретом – я слышала подобные разговоры множество раз за последнее время, и все они, так или иначе, сводились к тому, что нашей семье в этом зимнем сезоне нужно обязательно найти для меня выгодную партию.

– Надеюсь, у нас все получится, и кто-нибудь заинтересуется Алианой. Даже не представляю, как мы протянем еще один год, если не удастся выдать ее замуж, – матушка устало откинулась на мягкую велюровую спинку сиденья и, заметив мой отстраненный вид, строго произнесла:

– Алиана, ты понимаешь, как важен для тебя этот бал? Для всех нас?

– Да, матушка, – смиренно произнесла я, внутренне кричась от осознания того, что меня, подобно вещи, будут выставлять на торги, желая продать подороже.

– Ты должна вести себя должным образом, чтобы привлечь внимание самых взыскательных лордов! – матушка подозрительно буравила меня глазами, как будто пытаюсь найти подвох в моем показном смирении.

– Да, матушка, – вновь повторила я, думая про себя, что бал, возможно, окажется вовсе не таким веселым, как мне представлялось.

– Оставь ее, дорогая, – вмешался мой отец, граф Розе. – Алиана прекрасно осознает всю ответственность этого мероприятия.

– Да, но...

– Я уверен, многие достойные лорды будут сражены ее красотой, – отец мягко мне улыбнулся, и я с признательностью улыбнулась ему в ответ.

Ну почему? Почему мой первый бал, которым я так мечтала насладиться, должен стать для меня испытанием, одна ошибка на котором может стоить нашей семье благополучия? Я украдкой вздохнула, пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце. Чем ближе был дворец, тем больше я ощущала противную панику, разливающуюся в сердце.

«Все будет хорошо! – шепнула себе, когда мы вышли из кареты и направились к парадным дверям, услужливо распахнутым лакеями. – Я обязательно заинтересую кого-нибудь из мужчин, и пусть он окажется молодым и красивым!»

Стоило нам войти в огромный бальный зал, как меня тут же ослепил яркий свет тысяч свечей в хрустальных люстрах, отражающихся на натертом до зеркального блеска мраморном полу. Музыка, шум голосов, мелодичный женский смех и вторивший ему перезвон хрустальных бокалов, роскошные наряды дам и их кавалеров – все это было настолько непривычным, что я с трудом заставляла себя держаться прямо и не крутить по сторонам головой. Родители устремились вперед, завидя кого-то из знакомых, и мне не оставалось ничего другого, как последовать за ними, хотя больше всего на свете я сейчас мечтала незаметно скрыться в толпе и как следует тут осмотреться.

– Граф! Графиня, вы, как всегда, обворожительны. Неужто это юное прелестное создание – ваша дочь?

– Барон, рады видеть вас! – мой отец раскланивался с важным мужчиной средних лет, на лице которого были такие длинные, закрученные вверх усы, что я на мгновение выпала из образа нежной трепетной девы, но тут же отвесила себе мысленный подзатыльник и скромно потупила глаза. – Да, это Алиана, наша старшая дочь. Она дебютантка на этом балу.

– Уверен, ее дебют не останется незамеченным, – в голосе мужчины прозвучало нечто такое, от чего меня невольно передернуло, будто я вляпалась во что-то гадкое.

Мужчины заговорили о своем, отвлекшись от нас с матушкой и давая мне возможность украдкой осмотреться. Бальный зал поражал не только своими размерами, но и роскошью: выполненный в светло-бежевых тонах, он был украшен огромными зеркалами в тяжелых золотистых рамах, зрительно расширяющими пространство. Толстые мраморные колонны уходили куда-то ввысь – туда, где сводчатый потолок был щедро украшен лепниной и изысканными росписями, изображавшими сцены из древней истории нашей страны. Огромные, до потолка, окна были забраны легкими газовыми шторами, не скрывавшими синюю ночь, плавно опускавшуюся на город. В простенках между окнами стояли резные банкетки, обитые золотистым атласом, на которых расположились дамы постарше, живо обсуждая гостей,

прикрывшись веерами.

Гости ходили по залу, здороваясь и обмениваясь новостями. Официанты разносили шампанское. Стайки юных девиц, похожих на экзотических бабочек, стояли у стен, то и дело кидая кокетливые взгляды на молодых лордов. Как это ни удивительно, молодые люди тоже стояли небольшими группами и, судя по усмешкам, что я заметила, также не были чужды пересудам.

Боясь, что мое пристальное внимание может быть истолковано как совершенно определенный интерес, я отвела взгляд в сторону, увидев, пожалуй, самую странную группу гостей, присутствовавших на этом балу. То были главы родов почтенного возраста, большинство из которых, судя по всему, разменяли как минимум восьмой десяток. Лорды, одетые в свои парадные камзолы, украшенные орденами и медалями, с тростями в руках, удобно расположились в одной из ниш – под балконом, на котором сидели музыканты. Здесь для их удобства стояли мягкие диванчики, на которых они, судя по всему, и собирались провести весь этот бал.

«И зачем они вообще сюда приехали, в их то состоянии?» – с недоумением подумала я, невольно задержав взгляд на лорде, сидящем по центру. Это был высокий худой старик – настолько древний, что его пергаментная кожа воскового цвета, плотно облепившая череп, напомнила мне рисунок мумии из отцовской книги, что я однажды тайком стащила из его кабинета. Дорогой парадный камзол, расши-

тый серебряными галунами, смотрелся на нем до крайности нелепо и не мог скрыть дряхлого тела, а чересчур высокий жесткий ворот рубашки подпирал дряблые щеки – так, что казалось, будто его голова держится только благодаря ему. Мутные выцветшие глаза лорда смотрели в пространство невидящим взором, узловатые скрюченные пальцы рук обхватывали серебряный набалдашник трости, стоявшей у высохших тонких ног, обутых в новые лакированные ботинки.

В какой-то момент он пошевелился, обводя зал отсутствующим взглядом, и я, застигнутая за невежливым разглядыванием, невольно сглотнула, снова ощущая противную сосущую тяжесть на сердце. На мгновение стало стыдно за собственные мысли – ведь в старости нет ничего постыдного, а этот лорд, наверняка, весьма достойный и уважаемый человек. Я отвернулась и с облегчением вздохнула, как будто вновь выныривая из удушающей толщи воды навстречу солнцу, молодости и радостям жизни, тут же позабыв о пугающем старике.

И уже не видя, как он продолжает в упор смотреть на меня.

Несмотря на матушкины опасения, я явно имела успех на балу. Молодые лорды подходили, раскланиваясь с нами и представляясь, а после приглашали меня на танец. Так что я в какой-то момент перестала думать о том, что мне над-

лежит вести себя чинно и скромно, как и полагается благовоспитанной юной леди, желающей найти себе мужа, а просто наслаждалась восхищенными взглядами молодых людей и танцами, в которых они меня кружили. Я даже успела поверить, что кто-нибудь из этих благородных юношей будет покорен мной настолько, что возьмет замуж даже без приданого, с одним лишь титулом и древней родословной.

– Позвольте пригласить Вас на вальс, юная леди, – рядом с нами стоял привлекательный молодой мужчина, одетый в парадный бордовый камзол с черными позументами – блондин с серыми глазами и бледным лицом. – Виконт Доминик Корнуай, – представился он, коротко поклонившись. Обмахивание веером со стороны матушки стало более энергичным, что свидетельствовало о крайней степени волнения его обладательницы. Интересно, почему?

– Рады знакомству, виконт, – я с удивлением увидела, как мой батюшка почтительно поклонился человеку гораздо моложе его, и тут же догадалась, в чем дело. Ну конечно! Род Корнуай – очень древний и один из самых богатых в нашей стране. Неужели?..

Мне не оставалось ничего другого, как присесть в реверансе и подать руку все еще ожидавшему моего ответа виконту.

Кружась под звуки вальса, я вдруг поняла, что мне крайне неудобно и неприятно находиться рядом с мужчиной, чьи руки лежали сейчас на моей талии. Обычное прикосновение,

ничего лишнего – как того требовал этикет. Виконт был превосходным танцором и вел меня в танце легко и непринужденно, но меня не покидало ощущение, что я нахожусь рядом со страшным хищником. Судя по тому, как плавно он двигался, мужчина был превосходным фехтовальщиком, но не это испугало меня.

«Кого же он мне напоминает?» – подумала я, и тут же похолодела от ответа, моментально возникшего в голове. Змею. Мерзкую, ядовитую гадину, что обвила мое тело и теперь пыталась подобраться повыше. В ушах шумело, будто кто-то мне что-то шептал, но слов было не разобрать. Я подняла глаза, тут же встретившись взглядом с холодной серой сталью, и поняла, что права. Этот мужчина был опасен. Очень опасен. Меня не обманывала его нарочитая вежливость и светский лоск. Едва достающие плеч, по моде нашего времени, волосы, бледное лицо и слишком яркие, порочно изогнутые губы. А еще я чувствовала, что заинтересовала его. Меня передернуло от отвращения, но я все же заставила себя выдать улыбку в ответ на улыбку виконта, успев отметить ровные белые зубы с чуть заостренными клыками.

– Вы так прелестны, Алиана, – произнес мужчина, после танца провожая меня к родителям, – как хрупкий живой цветок, сияющий во тьме, – добавил он вдруг едва слышно, на старом фарлийском языке наших предков, на мгновение задерживая взгляд на моем колье, мягко обнимавшем шею. Но я этот язык знала – в нашей семье его традиционно учили,

а потому прекрасно поняла, что именно он сказал. Ответить ему что-либо заставить себя не смогла: звенящее чувство надвигающейся катастрофы разлилось вдруг в голове, и бал перестал быть мне мил. И все, чего мне хотелось сейчас – это как можно скорее покинуть его, вновь оказавшись в своей уютной девичьей спальне.

Я плохо запомнила, как мы возвращались домой, пребывая в каком-то странном полусне. Родители живо обсуждали прошедший бал, и матушка, кажется, была мною довольна. То и дело в разговоре мелькали фамилии лордов, проявивших ко мне интерес, но лишь одна из них заставила меня приоткрыть потяжелевшие веки и вслушаться в то, о чем они говорили:

– Доминик Корнуай – племянник и единственный наследник титула графа Магнуса Корнуая. Ты понимаешь, что это значит? – матушкины глаза лихорадочно блестели в полутьме кареты.

– Вполне, дорогая.

– Мне показалось, он всерьез заинтересовался Алианой, – мечтательно продолжала матушка. – Конечно, сам из себя он пока ничего не представляет, но в скором будущем...

– Эмилия, – отец укоризненно покачал головой, но матушка лишь отмахнулась.

– Старый граф не вечен. Ты видел его на балу? Он, кажется, даже не понимал, где находится.

– Эмилия! – отец нахмурился. – Не забывай, Магнус Корнуай был лучшим другом и верным соратником нашего короля.

– Вот именно что был! Но это было много десятков лет назад, еще до того, как граф уехал из страны на долгие годы, – матушка не осталась в долгу, вновь пустив в ход веер, отчего в карете возник настоящий сквозняк. – Нет, ты подумай только, как было бы хорошо... – она предвкушающе улыбнулась и с треском сложила свой веер. – В любом случае, завтрашнее утро все покажет. Если от виконта будет карточка и букет, значит, я не ошиблась.

Я устало прикрыла глаза, молясь об одном – чтобы ни букета, ни карточки от виконта утром не нашлось.

Глава 2

Увы, утром меня ждало глубочайшее разочарование. Умывшись и переодевшись с помощью Летти в светлое домашнее платье, я спустилась в холл, разглядывая корзины с цветами, что доставили посыльные, и матушку, что уже суетилась вокруг них, читая карточки, вложенные в букеты.

«Вот оно!» – подумала я, заставив себя сделать первый шаг вниз на миг ослабевших ногах. Впрочем, мне не было нужды спускаться – довольный матушкин вид все сказал без слов.

– Алиана! – она ласково мне улыбнулась, что в последнее время случалось нечасто. – Подойди сюда, дочь моя, и выбери букет, что Летти поставит в твоих покоях. И кстати, после завтрака я поднимусь к тебе, чтобы выбрать платье на вечер. Да, – она кивнула на мой вопросительный взгляд, – сегодня нас почтит своим визитом виконт Доминик Корнуай! Он прислал записку! – она ласково потрепала меня по щеке и стала подниматься по лестнице, оставив меня стоять, вцепившись в перила.

Нет! Только не он!

Тогда я еще не знала, что день, начавшийся так безрадостно, был лишь началом конца моей прежней беззаботной жизни...

Наряженная в богатое шелковое платье с открытыми плечами, переливающееся золотистыми всполохами, я стояла у окна своей гостиной, наблюдая за пустынной подъездной аллеей. «Может, это будет просто ужин? – с тоской подумалось мне. – Не мог же он заинтересоваться мной после одного лишь танца?» Но как бы я ни обманывала себя, в глубине души знала – мог. И эти его странные слова... Казалось бы, просто комплимент... Но почему тогда они так напугали меня? Как будто он говорил их не для меня, а... для себя. Как будто я была лишь вещью, о которой можно было говорить в третьем лице.

Вдалеке раздался стук копыт о мерзлую землю, и я отпрянула от окна, встав так, чтобы меня не было видно. Возле парадного входа остановилась карета с графским гербом, запряженная четверкой вороных лошадей. Лакей услужливо распахнул дверь, и на ступени показался черный лакированный сапог, а следом за ним и его хозяин – виконт Корнуай, статный, безупречный и... жутко пугающий. Будто почувствовав меня, виконт вдруг резко вскинул голову, безошибочно находя глазами окна моих покоев. Я метнулась в сторону, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце. «Это просто ужин... просто ужин», – пытаюсь отдышаться, сказала я себе, подходя к зеркалу, чтобы в последний раз взглянуть на свое отражение. Из него на меня смотрела юная красивая девушка, бледная, с испуганными глазами, с волнами темных волос, убранных в замысловатую прическу, и с ненавистным

бриллиантовым колье на шее.

На ужин я шла, как на казнь, но матушка с отцом этого не заметили, стараясь впечатлить гостя, встретив его у дверей и рассыпаясь в любезностях. Стол ломился от яств, которые мы давно уже не могли себе позволить, но ради такого случая они где-то нашлись, в углу играл маленький, приглашенный из столицы, оркестр. Родители и сестра, одетые в свои лучшие наряды, чинно восседали за столом, уставленным фарфоровым столовым сервизом. Отец, сидевший во главе стола, вел непринужденную беседу с виконтом. Я сидела по правую руку от гостя и радовалась лишь тому, что не сижу напротив и не вижу его холодных змеиных глаз.

Отчего-то мне казалось, что эти глаза не соответствуют возрасту виконта, и принадлежат не мужчине лет двадцати семи-двадцати восьми, на которые выглядел виконт, а кому-то гораздо более древнему. Впрочем, даже соседство с ним давалось мне непросто. Я буквально чувствовала его пугающую, давящую ауру. И лишь Эния, моя младшая сестренка, сейчас непривычно серьезная и сдержанная, была отрадой для моих глаз и сердца: я смотрела на нее, и мне становилось чуточку легче.

Уже в самом конце ужина, когда подавали десерт, виконт вдруг обратился к моему отцу:

– Граф, если вы позволите, я хотел бы просить вас о приватном разговоре после ужина.

– Конечно, виконт, – сдержанно кивнул отец, но я слыш-

ком хорошо его знала, а потому уловила удовлетворение, мелькнувшее во взгляде. Матушка же и вовсе едва скрывала радость, а потому весь остаток ужина с удвоенным рвением развлекала гостя беседой. Эния вопросительно взглянула на меня, как бы спрашивая: «Ты не рада?» Но я лишь едва заметно покачала головой.

Надеюсь, это не то, что я думаю!

Отец заперся с виконтом в своем кабинете, матушка нервно мерила шагами гостиную, мы с Энией молча сидели тут же, не имея возможности подняться к себе. Напряжение нарастало. Мне казалось, что с каждой минутой в помещении становится все меньше воздуха и все труднее дышать. Единственное, чего мне хотелось сейчас – вырваться наружу, из дома, на свежий морозный воздух. Вздохнуть его полной грудью, понять, что все это лишь дурной сон, что это происходит не со мной, что у меня впереди еще много балов и приемов, где я буду знакомиться с потенциальными женихами.

Но конечно же, я не могла себе этого позволить, а потому продолжала сидеть, уставившись в одну точку. Прошел еще час томительного ожидания, прежде чем мужчины, наконец, вышли из кабинета и направились к нам. И одного взгляда на отца мне было достаточно, чтобы сердце вдруг оборвалось, падая куда-то вниз...

– Леди Эмилия. Леди Алиана. Леди Эния, – виконт галантно поклонился, задержав свой взгляд на мне. И что-то

такое мелькнуло в нем, что заставило меня невольно качнуться назад. – Надеюсь в скором времени увидеть всех вас. Графиня, благодарю за чудесный вечер.

Виконт откланялся, и стоило двери за ним закрыться, как матушка тут же растеряла всю свою чинность и поспешила к отцу:

– Ну что, Нейтан? Корнуай попросил руки Алианы? Ну же, не томи нас, отвечай!

– Попросил, – как-то излишне медленно ответил отец, избегая смотреть на меня. Матушка восторженно ахнула, но тут он добавил: – Но не для себя, а для своего дяди, Магнуса Корнуая.

Матушка совершенно неаристократично прижала ладони ко рту, глаза ее изумленно округлились. Эния непонимающе переводила взгляд с одного родителя на другого. А я... я стояла, как будто окаменев. Мне казалось, я даже чувствовала, как ледяной белый мрамор охватывает мои стопы... колени, поднимаясь все выше, к самому горлу. Стало трудно дышать, и мир перед глазами вдруг покачнулся. Откуда-то сбоку послышался испуганный вскрик, но я уже не понимала, кто кричит и зачем. Ноги подкосились, увлекая меня в беспросветную тьму...

Пришла в себя я от того, что рядом кто-то тихонько всхлипывал.

– Летти? Это ты?

– Я, леди Алиана, – лицо Летти с покрасневшими, мокрыми от слез глазами, возникло в поле моего зрения. – Ох, и напугали же вы нас!

– Что... произошло?

– В обморок вы упали, моя леди. Как услышали имя своего жениха, так и упали, – Летти всхлипнула. – Граф собственноручно отнес вас в покои, а после врача вызвали. Он сказал, что перенервничали вы просто, очень уж впечатлительная. А меня оставили присматривать за вами.

Осознание произошедшего накрыло меня с головой. Это был не сон! Моей руки попросил этот древний старик, и отец согласился на брак! За что?? Почему я??

– Который теперь час, Летти? – я лихорадочно соображала, что делать.

– Так почти полночь уже, леди. Леди? – Летти недоуменно смотрела, как я поднялась с кровати и решительно направилась в гардеробную.

– Помогите мне переодеться, я должна срочно поговорить с отцом.

Я знала, что граф Розе поздно ложится спать, предпочитая проводить вечера в своем кабинете – с бутылочкой бренди и интересной книгой. А после сегодняшнего я была уверена, он точно задержится там надолго, чтобы отметить мое скорое замужество с этим... с этой... «мумией!» – услужливо подсказал внутренний голос, и я ускорила шаг, желая как можно быстрее расставить все точки над і.

Не знаю, на что я рассчитывала. Может, на его любовь ко мне? Или на жалость? Мне всегда казалось, что отец любил меня больше, чем матушка. Он баловал меня, называл «своей принцессой», а иногда и покрывал мои проделки. Увы, в этот раз он был неумолим.

– Ты не понимаешь, Алиана, – отец, сидя за своим столом, обитым зеленым сукном, уже который раз перекладывал стопку бумаг с одного места на другое, что выдавало крайнюю степень его волнения. – Это закладные на наше имущество, мы практически разорены. Корнуай наш единственный шанс! Единственный!

– Но ведь это только первый бал сезона, наверняка будут и другие, – пыталась переубедить его я.

– Дитя мое, неужели ты думаешь, что Корнуай позволит кому-то другому проявить интерес к девушке, которой он заинтересовался? – отец посмотрел на меня снисходительно.

– Не он, отец! А его дядя, этот ужасный старик!

– Алиана! – брови отца сошлись на переносице. – Не смей так говорить об уважаемом лорде!

– А что, разве я не права? Разве такого будущего ты хочешь для меня, отдавая за древнего старца? Да он вообще не мог разглядеть меня на балу! Отец, прошу... – как бы я ни пыталась сдержаться, слезы все-таки потекли из моих глаз.

– Алиана, у нас нет выхода. Да, признаюсь, – он запнулся, – я надеялся, что виконт сделает предложение от своего имени, и меня немало удивило, что он выступает от имени

дяди...

Я подняла на него глаза, полные слез и надежды.

—... но это ничего не меняет. Нам нужны их деньги, причем как можно скорее. Виконт прекрасно знает о нашем плачевном положении, а значит, скоро узнают и остальные. Ты подумала, что тогда будет с нашим именем? С твоей сестрой?

— Вы просто продаете меня, как какую-то вещь! — прошептала я, судорожно сжимая руками ткань платья, понимая, что он уже принял решение, и не изменит его.

— Я должен думать о семье, Алиана, — голос отца стал тверже. — И тебе тоже советую думать не только о себе, но и о своих близких. Можешь идти. Свадьба назначена через две недели, у тебя будет время все обдумать как следует и привыкнуть к мысли о скором замужестве.

— Две недели? — я не могла поверить в услышанное. — Почему так быстро? Это... это невысказано!

— Таково было пожелание жениха, — отец пожал плечами. — Возможно, у него есть на то свои причины. А если даже и нет, это не наше дело. Корнуай полностью взял на себя все расходы на свадьбу, включая твое подвенечное платье. Не в нашем положении ему возражать.

Отец вновь вернулся к бумагам, давая понять, что разговор окончен. Я же просто стояла у двери, и молча смотрела на него. На человека, подарившего мне жизнь. Кружившего меня на руках, когда я была маленькая, баюкающего в сво-

их объятьях, когда сильно болела. И... так легко продавшего меня, ради спасения имени и чести.

Две недели, батюшка? Я обязательно что-нибудь придумаю, но за Корнуая не выйду. Ни за что!

Увы, все мои планы потерпели крах. Родители слишком хорошо знали мой характер, а потому все следующие дни меня ни на минуту не оставляли одну. Летти теперь жила в моих покоях, присматривая за мной днем и ночью. У входных дверей и у въездных ворот появились дежурившие лакеи, а на балах, куда мы продолжали выезжать, матушка не спускала с меня глаз, держа возле себя и не отпуская одну даже в дамскую комнату. Чем ближе был день свадьбы, тем большее отчаяние овладевало мной и, наконец, я решилась на побег.

В тот день, после ужина, я сказала Летти, что устала, и рано легла спать. Погасив свечи и пожелав мне доброй ночи, служанка отправилась к себе в каморку, и еще около часа я слышала, как она ворочается с боку на бок, прежде чем уснуть. Я же, не мешкая, быстро встала с кровати, соорудив на ней из подушек подобие спящей фигуры, укрытой одеялом, после чего переоделась в простое шерстяное платье. К сожалению, никаких вещей с собой я собрать не могла, их пропажу сразу бы заметили, но у меня были кое-какие личные драгоценности – недорогие, простенькие, и я надеялась их продать и, таким образом, найти средства к существованию. Что я буду делать дальше, пока представляла сла-

бо. Все, чего мне хотелось сейчас – это избежать замужества, и больше никогда в жизни не видеть ни жуткого виконта, ни его еще более жуткого дядю.

Прокравшись на цыпочках до входной двери, я осторожно выглянула в коридор и, убедившись, что все тихо, бесшумно спустилась по лестнице, держа в руках ботинки, надеясь выйти через черный ход. Дом мирно спал, погруженный во тьму безлунной зимней ночи. Я бесшумной тенью проскользнула через холл, мимо дремавшего на стуле лакея, и завернула к кухне. «Надеюсь, наша кухарка по-прежнему хранит запасной ключ в том глиняном кувшине», – подумалось мне запоздало.

Войдя на кухню, огляделась. Ночью все выглядело совсем иначе, чем днем или при свете свечей, но зажигать их я побоялась. Первым делом я дернула входную дверь, но она ожидаемо была заперта. Где же этот кувшин? Нащупав его на полке, я аккуратно сняла его и вздохнула с облегчением – ключ был на месте. Руки дрожали, когда я наощупь вставляла его в замочную скважину, попасть в нее удалось лишь с третьей попытки. Наконец, замок щелкнул, и я было взялась за ручку двери, чтобы тихо открыть ее, когда...

– Куда-то собралась, Алиана?

Чиркнула спичка, и кухня озарилась тусклым колышущимся пламенем свечи, что держала в руках моя матушка. Одета в длинную батистовую сорочку и бархатный пенью-

ар, она смотрела на меня, зло поджав губы.

– Так и знала, что ты что-нибудь учудишь, – матушка решительно схватилась за ключ, вновь запирая дверь. – Что ж, я была права, когда говорила Нейтану, что тебя стоит запереть в комнате и не выпускать до самой свадьбы.

– Матушка, умоляю, пощадите! – я упала перед ней на колени, цепляясь за длинный подол. – Не отдавайте меня ему, прошу! Только не ему! Я обещаю, я выйду замуж в этом сезоне, постараюсь кого-нибудь заинтересовать. Но прошу, только не за него! Он погубит меня!

– Что за чушь ты несешь, Алиана! – зашипела графиня Розе, наклоняясь надо мной. – Корнуай самый лучший вариант для нас, другого не будет! Он уже покрыл наши долги, мы не можем отменить эту свадьбу!

– Матушка, прошу! Не отдавайте меня ему! – у меня начиналась истерика, я продолжала как заведенная твердить свое, не слыша ее. – Только не ему! Умоляю!

– Хватит, Алиана, веди себя достойно! – матушка холодно посмотрела на меня. – Да, граф уродлив и стар, но не ты первая, не ты последняя! – она вздохнула. – Я хотела отложить этот разговор до свадьбы, но видно, придется поговорить сейчас. Сядь.

Я послушно поднялась с колен и рухнула на стул, стоявший у рабочего стола кухарки. Матушка опустила напротив, поставив подсвечник со свечой между нами. Повисла долгая тишина, которую я не смела прерывать, смотря на та-

ющую свечу, стекавшую вниз белым плачущим воском.

– В первую брачную ночь, – наконец, заговорила она, – юная жена впервые познает мужчину, своего мужа, и становится женщиной. Такова наша женская доля. Этот... процесс редко бывает приятен, но поверь мне, его можно вытерпеть. – Матушка пристально посмотрела на меня, и поняв, что я смотрю на нее с непониманием, вздохнула и продолжила. – Твой муж велит тебе раздеться и разденется сам, когда вы останетесь наедине, после чего вы вместе возляжете на кровать... Потом он... – матушкины щеки чуть покраснели... – будет прикасаться к тебе... по-разному... везде, где захочет.

Видя, что на моем лице отразился неподдельный ужас и омерзение, она резко добавила: – Тебе придется вытерпеть это, Алиана. И делать все, что он скажет. Будь послушной и просто закрой глаза. Можешь даже считать про себя, чтобы отвлечься. Или представлять что-то хорошее, например, подарки, которые он будет дарить тебе после. В конце концов, – добавила она, – граф Магнус слишком стар, уверена, что все закончится очень быстро... А может, и вовсе не дойдет до главного.

– Матушка... – мой голос дрожал... – зачем... зачем я ему нужна, если он так стар?

– Кто его знает? Возможно, он хочет наследника. Или это его последняя прихоть. Иногда старикам нравится видеть рядом с собой молодые, полные жизни лица. Так они чувству-

ют себя живыми. В любом случае, нам это только на руку. Думай о том, что через несколько лет ты будешь вдовой – молодой, красивой, абсолютно свободной и очень... очень богатой. А это, – она улыбнулась мне почти так же тепло, как раньше, – многое значит. Вот тогда и выберешь себе мужа по сердцу.

Она замолчала, но после добавила: – Не хочешь думать о себе, подумай хотя бы о своей младшей сестре и ее будущем!

Матушка поднялась со стула.

– Идем, еще не хватало, чтобы нас увидели слуги и пошли ненужные разговоры.

...Последние дни до свадьбы я просидела взаперти, в своих покоях. Все-таки родители решили перестраховаться, не веря в то, что я смирилась. Смирилась ли я? Лишь отчасти. Во мне непрестанно шла борьба: на одной чаше весов была моя жизнь и мое счастье, на другой – будущее моей младшей сестренки Энии. И эти чаши попеременно перевешивали друг друга, пока, наконец, не застыли на одном уровне – и случилось это аккуратно в то утро, на которое была назначена дата свадьбы...

Глава 3

С самого утра в моих покоях царила суета. Мне приготовили ванну с ароматной пеной, вымыли волосы, напитав их ценными маслами, отчего они заструились длинными темными волнами, доходящими до самой талии. Дальше пришла очередь тончайшего шелкового белья, чулок, сорочки, роскошного свадебного платья, атласных туфельек, прически и легкого полупрозрачного макияжа. Модистки и служанки кружились вокруг, сменяя друг друга, но я мало что понимала, чувствуя себя безвольной куклой. Жертвой, которую готовят к закланию. Так какая разница, как я буду выглядеть?

Когда меня уже облачили в платье, в мои покои важно всплыла матушка, одетая в новое нарядное платье серебристого цвета. Окинув меня придирчивым взглядом и явно оставшись довольной увиденным, она улыбнулась, взмахом руки приказывая служанкам выйти.

– Алиана, твой будущий муж прислал тебе к свадьбе поистине царский подарок, – я увидела в ее руках большой плоский футляр. Крышка щелкнула, и на черном бархате заиграли всполохи огромного камня «голубиная кровь», окруженного бриллиантами.

– А ну-ка, – матушка одела на меня тяжелое ожерелье и поправила рубиновую подвеску на груди, которая сияла и пульсировала, как будто внутри у нее действительно была

жидкая кровь. На мгновение мне стало дурно и захотелось сорвать украшение с шеи.

– Какая роскошь! Граф Корнуай очень щедр! – матушка любовалась переливами камней, стоя за моей спиной. – Будешь вести себя правильно, и он засыплет тебя драгоценностями, милая. Не отказывайся, принимай их как должное.

Я промолчала. Все происходящее виделось мне затянувшимся дурным сном.

– Я оставлю тебя ненадолго, – матушка ушла, оставив меня стоять одну, с ненавистью смотря на подарок жениха.

– Лиа! – в мою комнату тихо скользнула сестренка. – Лиа, я так не хочу, чтобы ты уезжала! – она всхлипнула, глядя на меня глазами, как две капли похожими на мои.

– Я тоже не хочу оставлять тебя, Эния, – я опустилась перед ней на колени, не заботясь о платье, и крепко обняла, наверное, единственного человека в этом доме, который любил меня бескорыстно.

– Мне так страшно за тебя, – доверительно прошептала Эния мне на ухо, – я слышала, как матушка говорила батюшке о том, что этот граф похож на живого мертвеца. Зачем тогда он берет тебя в жены?

– Не знаю, Эния. Не знаю, – я чувствовала, что сама вот-вот расплачусь.

– Обещай, что не забудешь меня, Лиа! Обещай, что мы еще увидимся!

– Ну конечно, увидимся, глупышка! – я поцеловала ее в

обе щеки и крепко прижала к себе, понимая, что сама не очень-то верю в это. Почему? Я не знала. Просто чувствовала.

– Я очень люблю тебя, сестренка! Я буду очень скучать и молиться за тебя каждый день! – Эния быстро отстранилась, увидев, как в комнату входят служанки, торжественно неся мою фату.

Символ чистоты и невинности. Защита от злых духов.

Всевышний, защити меня от моего будущего мужа!

Погода сегодня сполна отражала мое настроение: низкие свинцовые тучи нависли над храмом, отчего казалось, что даже его белокаменные стены сделались серыми. Снег, лежавший у входа, был затоптан ногами и представлял из себя бурую неприглядную массу. Но мне было все равно. В душе разливалось странное равнодушие. Я смиренно приняла помощь лакея, помогавшего мне выйти из кареты, и взяв под локоть отца, направилась к распахнутым дверям храма. Нас никто не встречал – видимо, все гости уже были внутри. Откуда-то сбоку внезапно появилась фигура в накинутом на плечи длинном черном плаще, в которой я с удивлением узнала виконта.

– Доминик? Что-то случилось? – в голосе батюшки мне послышалось беспокойство.

– Не беспокойтесь, граф, все идет, как задумывалось. Я всего лишь подошел поздороваться до того, как начнется це-

ремония, – виконт перевел взгляд на меня, и на миг мне показалось, что глаза его вспыхнули, и что он прекрасно видит мое лицо под фатой, хотя это было невозможно. – Леди Алиана, вы самая прекрасная из всех невест, что мне доводилось видеть.

– Благодарю вас, виконт, – механически ответила я.

– Прошу вас, поднимайтесь. – Виконт галантно указал нам на лестницу, ведущую в храм, и отец, кивнув ему, повел меня дальше. Я была уверена, что Доминик следует за нами, однако, стоило дверям храма закрыться за нашими спинами, поняла, что это не так. Странно. Куда он мог деться? Или здесь есть еще один вход? В любом случае, раздумывать об этом времени не было: грянула торжественная музыка, и отец, гордо расправив плечи, чинно, как и подобает родителю, повел меня вперед – туда, где у алтаря застыла высокая сторбившаяся фигура моего жениха... графа Магнуса Корнуая.

...Я почти не запомнила сам свадебный обряд. Для меня он слился в калейдоскоп отдельных цветных картинок, едва укладывающихся в сознании, и перемежающихся с темнотой отчаяния, что накатывало короткими волнами. Вот отец ведет меня вдоль рядов, и я отстраненно замечаю, что не вижу в храме ни одного молодого лица. Все немногочисленные гости – почтенные лорды, ровесники моего жениха, как две капли воды похожие друг на друга. «Сплошь мужчины», – вяло отмечаю про себя я. Черная вспышка.

Отец подводит меня к алтарю и отходит прочь, а я стою, не в силах посмотреть на человека, стоящего рядом. Мне физически дурно, мне кажется, что рядом со мной не живой человек, а мертвец. Вспышка. Священнослужитель начинает читать молитву, но я даже не понимаю того, о чем он говорит. И лишь его вопрос, на который справа от меня слышится скрипучий ответ «Да», заставляет меня ненадолго прийти в себя.

– Добровольно ли вы явились сюда и хотите заключить этот союз?

Я понимаю, что священнослужитель обращается ко мне, и заторможено отвечаю:

– Да.

Черная вспышка.

Наши руки соединяют, и на мою маленькую кисть сверху ложится дряблая дрожащая рука с паучьими пальцами. Я вздрагиваю от омерзения. Вспышка. Священник что-то говорит, улыбаясь. Кажется, он поздравляет нас, значит, сейчас будет поцелуй. Отчаяние захлестывает меня с такой силой, что кажется, еще чуть-чуть, и оно станет осязаемым. Я не хочу. Не хочу! Вспышка.

Я иду рядом с моим новоиспеченным мужем к выходу, вокруг слышатся шелестящие поздравления, напоминающие мне шипение змей. Вспышка.

Кажется, ко мне подходят родители и что-то заискивающе говорят графу. Он молчит. Почему? Почему он молчит??

Рядом вдруг возникает его племянник, виконт, что-то отвечая им, перетягивая внимание на себя и смеясь, обнажая белоснежные зубы. Я слышу робкие слова напутствия матушки и отца, автоматически киваю им и вижу приглашающе распахнутую дверцу графской кареты. Чужой. Обитой черным деревом и с бархатными сиденьями кроваво-красного цвета. Лакей помогает мне сесть, напротив возникает фигура старого графа, вдруг напомнившего мне огромного черного ворона, занявшего собой все пространство и нависающего надо мной. Вспышка.

Карета трогается, увозя меня из той, прежней, беззаботной жизни. Вот и все. Теперь я замужем. Теперь я графиня Алиана Корнуай. Черная вспышка.

Я пришла в себя от тишины, стоявшей вокруг. Не было слышно ни цокота копыт о мерзлую землю, ни скрипа рессор, ни окриков возницы. «Видимо, у графа Корнуая очень дорогая карета», – мелькнула в голове отстраненная мысль, и я медленно подняла глаза. Мой... муж сидел напротив, вперив невидящий мутный взгляд в стену позади меня. Казалось, ему вовсе не было дела до своей молодой жены, а, быть может, он даже не понимал, что она, то есть я, нахожусь сейчас рядом. По спине ледяной змейкой пополз страх. Неужели эта... этот человек был способен выразить кому-то свое желание жениться на мне? Верилось в это с трудом.

Какое-то время я сидела, вновь опустив глаза и рассмат-

ривая худые ноги напротив, а потом медленно стала сдвигаться к окну, молясь всем богам, чтобы граф не заметил того, что я хочу оказаться как можно дальше от него и... его запаха. Чем больше мы находились вдвоем в замкнутом пространстве кареты, тем сильнее я ощущала его. Неприятный, сладковатый, тошнотворный. Я не знала, с чем его можно сравнить, но сознание упорно говорило мне, что это запах тлена. Он проникал внутрь, заставляя дышать поверхностно, отчего мне было особенно дурно, ведь я и так была затянута в тугой корсет платья. Воздуха не хватало, я буквально задыхалась. Не в силах больше терпеть, рванула ручку, пытаясь хоть немного открыть окно, но оно не поддалось. Всевышний! Мне нужен воздух!

– Мы скоро приедем в замок, – раздался равнодушный скрипучий голос, и я обернулась на него. Граф даже не повернул головы в мою сторону. Может он и вовсе меня не видел? Мне стало так страшно, как не было никогда в жизни, даже когда стая соседских псов, сорвавшихся с цепи, загнала меня на дерево, скаля ощерившиеся пасти, из которых капала слюна. Лучше уж замок, чем эта попытка быть с ним вдвоем, в одной карете! Там у меня, хотя бы, будет возможность движения и иллюзия свободы.

Кто бы знал, как я ошибалась!

Замок показался примерно через полчаса – темный и мрачный, с острыми шпилями, пронзающими закатное, баг-

рово-красное небо, обещающее сильный ветер на завтра. Карета остановилась, и я с облегчением выбралась из нее, опираясь на руку лакея, склонившегося в приветствии.

– Милорд, – слуга склонился еще ниже. – Покои для миледи уже готовы.

– Проводи, – раздался скрипучий голос графа за моей спиной, и я, не оглядываясь, с радостью поспешила за слугой, шедшим передо мной.

Внутри замок производил такое же мрачное помещение, как и снаружи, и был таким же древним, как и его нынешний владелец. Старинные факелы на стенах, которые мало кто сейчас использовал, потемневшие от времени гобелены, тускло мерцавшие рыцарские доспехи, стоящие в темных нишах. А еще здесь было ужасно холодно, так что я, в своем тоненьком платье и легком плаще, наброшенном сверху, моментально продрогла.

Состояние было... странным. Наверное, больше всего на свете я сейчас должна была страшиться своей первой брачной ночи. Но, как это ни парадоксально, я не боялась, напротив, спеша за слугой, уводившим меня все глубже в недра замка, во мне вновь просыпалась надежда спастись.

«Нужно осмотреться в покоях, – подумалось мне. – Возможно, там есть засов, и я смогу запереться. А, быть может, граф и вовсе не придет. Ведь он ни разу за всю дорогу не намекнул на свой интерес ко мне».

Эта мысль придавала мне немного уверенности, и я стала с

любопытством осматриваться по сторонам. Впрочем, любопытству здесь было нечем поживиться. Только темно-серые стены, да тусклый свет, озаряющий угрюмые, мрачные коридоры и залы, сквозь которые мы проходили. Старинная массивная мебель из темного дерева, огромные чернеющие зевы каминов, тяжелые кованые люстры, спускающиеся с потолка на цепях.

«Как вообще можно жить в таком жутком месте? – подумала я, ни на мгновение не допуская мысли о том, что мне предстоит стать его хозяйкой. – Тут даже картин нет, как будто у замка нет владельцев».

Наконец, мы дошли до двери, находившейся в торце коридора.

– Прошу вас, миледи. Ваши вещи скоро доставят, и служанки помогут вам переодеться, – слуга откланялся, наконец-то оставив меня одну.

Первым делом я осмотрела покои, в которых мне предстояло жить. Увы, ничего общего с моими прежними они не имели. Несмотря на солидные размеры, они были слишком темными, и едва ли могли принадлежать женщине. Стены, обитые темно-вишневыми деревянными панелями, что перемежались с каменной кладкой. В гостиной стояли диван, пара кресел, столик. Поодаль, у окна, я заметила небольшой рабочий уголок. Примыкавшая к гостиной спальня состояла из огромной кровати с резным изголовьем, тумбы с массивным серебряным подсвечником на ней, старинного туалет-

ного столика и пуфика.

«А где зеркало?» – я с удивлением осмотрелась. Комнату освещало лишь пламя камина да свечи в тяжелых напольных канделябрах, окна были плотно зашторены тяжелыми бархатными портьерами, создающими ощущение склепа. Подойдя к ним, я с силой дернула их в разные стороны, и красный закат, пугающий и мрачный, раскрасил спальню в пурпурные тона.

Невольно передернув плечами, я продолжила исследование. Рядом со спальней обнаружилась дверь в гардеробную, встретившую меня пустыми вешалками, а за неприметной дверью, ведшей из гостиной, обнаружилась купальня и уборная.

Усевшись на одно из кресел в гостиной и глядя на догорающий закат, я мрачно раздумывала о том, что узнала. Итак, мои покои не являются смежными с покоями графа – это плюс. На двери изнутри нет засова – это минус. Гардеробная, купальня абсолютно пусты – кажется, к приезду молодой жены граф особенно не готовился – это... Я задумалась, плюс это, или минус? Мои размышления прервал вежливый стук в дверь – вошедшие лакеи внесли мои сундуки с вещами, а следом за ними служанка внесла поднос, уставленный блюдами под крышками, и на мой вопросительный взгляд, ответила:

– Господин граф решил, что вам будет удобнее поужинать сегодня в своих покоях.

Что ж, такой расклад меня вполне устраивал. Думаю, в присутствии графа мне бы кусок в горло не полез. Служанка – женщина средних лет с угрюмым лицом, ловко расставила блюда на столике и, пока я ужинала, удалилась в гардеробную, разбирать мои вещи. Я лишь вздохнула, смахнув слезинки в уголке глаз – я привыкла к болтовне своей горничной Летти, и сейчас мне очень ее не хватало. Как и Энии, моей младшей сестренки, с которой мы часто коротали вечера то за чтением, то за рукоделием, а то и вовсе за девичьей болтовней и прогулками по саду.

После ужина служанка, представившаяся Бертой, приготовила мне ванну и помогла переодеться ко сну. Хотя... то, во что обрядила меня Берта, едва ли годилось для сна – тончайшая полупрозрачная кружевная сорочка не скрывала, а лишь подчеркивала каждый изгиб моего тела, а вырез на груди был такой, что мне хотелось чем-то закрыть его. И в этом вырезе ярко горела «голубиная кровь» – подарок моего жениха, который Берта зачем-то оставила на мне.

«Если она одела меня в это, значит, граф сказал, что придет ко мне сегодня», – я стояла у камина в спальне, до крови кусая губы и трясясь, как осиновый лист. Все страхи, отступившие за последние часы, будто хлынули на меня огромной волной, грозящей погрузить в пучину первобытного ужаса. «Надо что-то делать!» – я отмерла и бросилась было в гостиную, чтобы попробовать забаррикадировать входную дверь креслом, но не успела...

Входная дверь бесшумно отворилась и в гостиную шагнул он. Вот только это был не граф Магнус Корнуай...

Глава 4

– Виконт, что вы здесь делаете? – шок сменился возмущением и страхом, который, как бы я ни гнала от себя, захлестнул меня колючей ледяной плетью. Руки взметнулись наверх, в попытке прикрыть грудь, но, кажется, я сделала только хуже. Медленным, оценивающим взглядом виконт прошелся по моей фигуре, заставив щеки заалеть от смущения. Мне вдруг показалось, что оголенной кожи плеча коснулось что-то легкое, похожее на крылья бабочки.

– Я требую, чтобы вы немедленно покинули мои покои!

– Алиана... Я же могу теперь называть вас так, на правах близкого родственника? – протянул Доминик Корнуай, как будто не слыша меня, и только дурак не заметил бы в его тоне издевки. – Я никак не могу уйти... – Словно бы в подтверждении этих мыслей, мужчина закрыл за собой дверь, отсекая нас от коридора и оставляя наедине. – Ведь я пришел исполнить свой супружеский долг.

– Ч..что? – мне показалось, что я ослышалась, и я в ужасе отшатнулась. – Что происходит?

– Позвольте представиться, – шутовски поклонился мужчина, изгибая губы в чудовищной улыбке, – граф Магнус Корнуай, к вашим услугам. – Глаза его странно вспыхнули, и он жадно прошелся взглядом по моему телу, уже не таясь.

– Я... я не понимаю, – я схватилась рукой за горло, в ужасе

глядя на него. Что он сказал только что? Почему называет себя чужим именем?

– Видите ли, в чем дело... Вы, Алиана, никогда не выходила замуж за графа Корнуая, а вышли всего лишь за половинного старика, который последние годы играл эту роль.

Я буквально почувствовала, что краски схлынули с моего лица, сделав его мертвенно-бледным.

– Ну-ну, моя дорогая, не стоит так переживать. Ваш обморок совсем не входит в мои планы, – виконт, или тот, кто им себя называл, сделал несколько шагов в мою сторону, порочно улыбаясь, и я сделала столько же шагов назад, не желая, чтобы он приближался ко мне.

– И не льстите себе, что стали графиней. Вы стали никем, мой милый цветочек, и лишь от меня теперь зависит ваше дальнейшее будущее.

– Что Вы такое говорите... – мой голос помимо воли задрожал.

– Вы будете делать все, что я вам велю. Будете послушной и ласковой. И тогда... если будете стараться, конечно, не будете ни в чем нуждаться.

Я задохнулась от ужаса, услышав это. Сердце стучало быстро-быстро, набатом отдаваясь в ушах. Подозреваю, у меня начиналась истерика, и лишь усилием воли я удерживала себя от нее, понимая, что она мне сейчас ни к чему.

– Вы лжете, – выдохнула я, с ненавистью глядя на виконта,

который, улыбаясь и смотря на меня, медленно расстегивал ворот рубашки, но больше не делал попыток приблизиться. – Вы не можете быть графом Магнусом Корнуаем. Граф – достойный человек, друг Его Величества. Это все знают.

– Конечно, – Доминик кивнул, вдруг оказываясь у кресла и сбрасывая на него свой камзол. Я пораженно моргнула: как он...?

– Вот только вы, Алиана, забыли, что Магнус Корнуай много десятков лет не был в стране, и вернулся лишь недавно, узнав, что его друг и соратник при смерти и уже никого не узнает. Вы понимаете меня?

Нет! Я решительно ничего не понимала. Не хотела понимать! Не хотела верить! Не могло быть такого, чтобы какой-то самозванец обманул всех, включая моих родителей, только для того, чтобы жениться на мне.

– К сожалению, – спокойно продолжал Доминик, по-хозяйски усевшись в кресле, положив нога на ногу и наливая себе красного вина в хрустальный бокал, – после кончины моего дорогого дядюшки, которая состоится буквально на днях, мне придется взять его титул. А через десяток-другой лет граф вновь исчезнет из страны на долгие годы – иначе на меня будут косо смотреть и шептаться. Но не переживайте, моя дорогая. Когда те, кто знал меня когда-то, превратятся в дряхлых старцев, граф Магнус Корнуай вернется. Впрочем, – издевательски произнес он, лениво прикрывая глаза и откидывая голову на спинку кресла, – он будет не один.

Его немощность будет поддерживать молодой племянник, виконт Доминик Корнуай. Забавно, не правда ли, что порода не исчезает, а передается следующим поколениям, как капля воды похожим на своих предков?

Я молчала, не в силах поверить в услышанное. Оно просто не укладывалось в моей голове. «Ты же сама обратила внимание на отсутствие семейных портретов», – шепнул мне внутренний голос. И все же... Это не могло быть правдой. Это было... чудовищно! Граф... виконт... Это один и тот же человек? Всегда? Я с силой сжала руками виски и затрясла головой, желая сбросить странное наваждение. Шум в ушах, так похожий на шепот, мешал сосредоточиться.

– Это бред... Это какой-то бред... Этого просто не может быть, – тихо проговорила я. Но понимала, что его рассказ – не плод моего воображения, а жестокая реальность. А это значит, что передо мной явно сидел не человек. Но... кто тогда? Маг?

О магах в нашей стране ходили легенды. Когда-то они населяли ее наравне с остальными жителями, но это было очень... очень давно. Из уроков истории я знала, что несколько тысяч лет назад магия постепенно начала уходить из нашего мира, и к настоящему времени от нее остались лишь жалкие крохи, владели которыми единицы. И все они были наперечет, купаясь в богатстве и роскоши и служа на благо своих государств. Кое-какую магию еще сохраняли эльфы – древний народ, испокон веков держащийся обособ-

ленно и не приветствующий смешения чистой крови с простыми людьми. Но и у них, насколько я знала, с каждым поколением рождалось все меньше одаренных, а наследие их предков сохранялось, разве что, в более долгой, по сравнению с обычными людьми, жизни. Вот только лжевиконт эльфом явно не был.

Доминик по-прежнему сидел в кресле, лениво наблюдая за мной из-под полуприкрытых век. Но я чувствовала, что он следит за мной. Как хищник, играющий со своей жертвой, и знающий, что ей не уйти. Легкий ветерок, взявшийся из ниоткуда, приподнял прядь моих волос на груди, откинув ее назад, на спину.

– Кто вы такой? – я вскинула на него взгляд, полный горечи.

– Это неправильный вопрос, Алиана, – мужчина мгновенно оказался рядом со мной. – Гораздо важнее для тебя спросить, что будет дальше с тобой.

– Что же? – я храбрилась из последних сил, понимая, что просто тяну время. Кто мне может помочь в этом замке? Тот старик? Точно нет, кажется, его участь уже предрешена этим чудовищем. Слуги? Очень в этом сомневаюсь. Я могла рассчитывать здесь исключительно на собственные силы. Но что я могу? Против него?

– Как я уже говорил, я предлагаю тебе на время стать моей. Во всех смыслах. Насколько надолго – не знаю, врать не буду, – мужчина равнодушно пожал плечами и растянул гу-

бы в многозначительной улыбке. – Все зависит от тебя.

– Вы... предлагаете стать мне вашей любовницей? Игрушкой в ваших руках? – я сжала кулаки, почувствовав, как ногти впиваются в кожу. – Этому не бывать, слышите! Никогда! Да я лучше... Я... Я вернусь домой, к родителям, скажу, что поссорилась с мужем, или...

– И ты думаешь, они примут тебя? Поверят твоим словам? – Доминик перебил меня, неприятно расхохотавшись. – Очнись, глупышка, они продали тебя с потрохами, лишь бы покрыть долги, и вернут мужу обратно, как только ты появишься на пороге их дома. Даже если он будет самим дьяволом... К тому же, у тебя просто не получится этого сделать. По завещанию графа, его молодая жена после его кончины будет жить в этом замке скромно и уединенно, не принимая гостей и сама никуда не выезжая. Оплакивая своего усопшего мужа. Смирись, Алиана. И лучше не зли меня, тебе не понравится, – а в голосе его прорезались опасные металлические нотки, и я внутренне сжалась. Вот оно! Кажется, ему надоело уговаривать меня.

Но что-то внутри противилось той участи, что он мне уготовил. Что-то поднималось из глубины души и истошно кричало – не смей! Не слушай его! Перед мысленным взором за короткие секунды пронеслась вся моя жизнь – беззаботная, счастливая, наивная. О, как бы я хотела сейчас вернуть ее обратно! Я бы и слова поперек не сказала матушке. Я была бы самая лучшая, самая послушная и смиренная дочь для

отца. Я бы...

– Так что ты решила? – ворвался в мои мысли ледяной требовательный голос.

– Ни за что! Я никогда не стану вашей! Лучше умру!

– Что ж... Ты сама сделала свой выбор, цветочек.

И в следующий момент мужчина набросился на меня.

Дорогие читатели!

Хочу предупредить: следующая сцена будет весьма волнительной и напряженной.

Вы можете пропустить ее и читать книгу дальше. По сюжету будет понятно, что именно произошло.

Я... плохо помнила, как все было потом. Наверное, Всевышний все же немного сжалился надо мной, отчасти затуманив мой разум, и я видела себя как бы со стороны. Урывками. Как в тумане. Помню, как отчаянно боролась с ним на пороге спальни, даже зная, что наши силы не равны. Как истошно кричала, когда он разорвал на мне сорочку, грубо толкнув на кровать и прижав к ней весом своего тела. Как его руки жадно скользили по моему обнаженному телу, исследуя и трогая его там, где ему вздумается, больно сжимая грудь. Как он исступленно целовал меня, не обращая внимания на ужас и отвращение, отражавшиеся на моем лице. Как удерживал руки, делая абсолютно открытой перед ним. Видят боги, как я мечтала выцарапать его глаза, сделать хоть что-ни-

будь! Никого и никогда в жизни я ненавидела так сильно, как этого человека, под которым беспомощно извивалась, противясь неизбежному... страшному для любой девушки. Сев на меня сверху и надежно фиксируя, виконт неспешно избавился от рубашки, обмотав ей мои запястья и привязывая руки к изголовью кровати.

– Я всегда получаю то, что хочу. Всегда. Запомни это, Алиана.

Я была в таком диком ужасе, что с трудом понимала, что он говорит. Щелкнула пряжка ремня, и я зажмурила глаза, почувствовав, как моей оголенной истерзанной кожи коснулась чужая плоть. Я забарахталась под ним с новой силой, пытаюсь сбросить с себя, но безуспешно. Мужчина какое-то время наслаждался моим телом, то целуя, то покусывая кожу, тут же зализывая укусы языком, а после его руки обхватили мои бедра, насильно разводя их в стороны, чтобы устроиться между ними.

– Нет! – я выплеснула в этом крике все отчаяние, всю ту боль, на которую была способна.

– Смотри на меня, Алиана, хочу видеть твои глаза, когда буду брать тебя.

Я, напротив, зажмурила глаза, и мою щеку тут же обожгла звонкая пощечина, а следом мои глаза распахнулись от резкой боли. От понимания того, что именно произошло. Казалось, во мне разом кончился воздух. Если до этого мгновения во мне еще теплились крохи надежды, что я смогу избе-

жать жуткой участи, вернусь домой, и все будет по-прежнему, то сейчас они испарились. Умерли вместе с моей поруганной честью. Мужчина яростно двигался во мне, прикрыв глаза от наслаждения, и я застыла под ним, помертвев от накрывшей меня вдруг апатии. Не будет больше ничего, – из моих глаз все-таки потекли слезы. – Не будет ни отчего дома, ни батюшки с матушкой, которые растили и берегли меня, ни моей любимой сестрички Энии, которой я обещала обязательно свидеться после замужества. Эния... – мои веки медленно наливались тяжестью... – прости меня, милая, я не смогу выполнить свое обещание.

Мужчина ускорил свой темп, а после, вдруг странно содрогнувшись и отклонившись назад, резко опустил голову вниз, больно укусив меня в шею, погружая в плоть свои заостренные клыки. Накатила странная слабость, как будто с его укусом сама жизнь по каплям уходила из меня. Я слабо дернулась под ним, не сразу понимая, что узел на рубашке ослаб, и я могу, наконец-то, освободить руки. Возможно это открытие, а, возможно, резкая боль, все нараставшая в шее, придали мне сил, и я, с трудом оттолкнув припавшего ко мне Доминика, укусила его в ответ – сильно, со всей яростью и злостью, до крови, что почувствовала на своих губах, одновременно с этим впиваясь ногтями в ненавистное лицо.

– Ах ты мелкая дрянь! – моя голова мотнулась в сторону от сильного удара, перед глазами поплыли черные круги, но

я продолжала кусаться и царапаться, как дикая кошка, уже не понимая, где его кровь, а где моя. Липкие пальцы вдруг нащупали что-то холодное, металлическое, и я, не глядя, судорожно сжала их, из последних сил опуская тяжелый предмет на голову мужчине. А потом еще... и еще. До тех пор, пока его тело на мне не обмякло, вновь придавив к кровати.

Я ощущала жуткую сонливость, и больше всего на свете мне хотелось сейчас просто закрыть глаза и отключиться. Не думать о пережитом. Не чувствовать саднящую боль между ног. Просто перестать существовать. Умереть. Но внутренний голос шептал: «Вставай, нужно торопиться! Вставай, Алиана! Не засыпай!» С трудом, но мне удалось сбросить его с себя и сползти с окровавленных простыней на пол. Пальцы до сих пор судорожно стискивали тяжелый серебряный подсвечник, которым я ударила его, и я с содроганием отбросила его в сторону. Виконт лежал ничком, и на затылке его я увидела кровь – кажется, я убила его. Мои руки, тело тоже были в крови, и меня замутило.

На трясущихся ногах я, шатаясь, добралась до купальни и, как могла, смыла ее с себя, что принесло пусть небольшое, но облегчение. «Бежать! Бежать отсюда как можно скорее!» – билась внутри одна-единственная мысль, и я поспешила в гардеробную, спешно натягивая на себя самое темное, неприметное домашнее платье и накидывая сверху плащ с глубоким капюшоном. Выходя из комнаты, бросила последний раз на распростертое на кровати мужское тело,

вокруг головы которого уже собиралась лужица крови. Меня вновь замутило, и я бросилась прочь, мало понимая, что буду делать дальше.

Кажется, на этом мои испытания были закончены. Мне удалось незамеченной выбраться из замка, а безлунная зимняя ночь скрыла от его обитателей мой побег. Надеюсь, до утра виконта не хватятся, и в мою спальню никто не войдет. А когда войдут... Я предпочла затолкать эти мысли подальше и ускорила шаг, понимая, что будет, если меня поймают.

Добравшись по дороге, идущей от замка, до развилки, обозначенной полосатым столбом, я обессиленно прислонилась к нему, пытаясь немного отдышаться. «Нужно двигаться дальше, Алиана, нельзя останавливаться», – сказала я себе, со стоном отлепляясь от своей опоры. Ныло все тело, каждая мышца отдавалась болью при движении, когда я пошла дальше, даже не посмотрев, в какую сторону иду. Но не успела сделать и десятка шагов, как вдалеке послышался цокот копыт, и сердце рухнуло вниз. «Погоня!», – в отчаянии я заметалась по дороге, понимая, как мало шансов укрыться в заснеженном лесу, и тут же вздохнула с облегчением: ко мне приближался обычный почтовый дилижанс, курсирующий между городами.

– А деньги то есть чтобы заплатить? – возница смотрел на меня с подозрением, когда я остановила дилижанс взмахом руки.

– Я... – я вдруг поняла, что не подумала захватить с собой

деньги. – У меня...

– Нет, значит? – мужчина недовольно сплюнул. – Тогда бывайте, дамочка, безбилетники мне не нужны.

– Пойдите! – в этот самый момент в голову мою пришла светлая мысль. – У меня есть не деньги, а украшение. Возьмете? – я с надеждой взглянула на возницу.

– Ну, показывай.

Я отвернулась, судорожно расстегивая свадебное ожерелье, все еще висевшее на шее. Надо же, я ведь полностью о нем забыла. Украшение в моей руке вспыхнуло, и на миг мне показалось, что камень в нем стал еще насыщеннее и ярче.

– Вот, – дрожащей рукой я протянула его вознице. – Это мое, подарок.

Мужчина хмыкнул, пряча ожерелье за пазуху. Он явно понял, что оно весьма ценное, но, хвала Всевышнему, не стал задавать лишних вопросов.

– Куда отвезти? – спросил он, кивая мне на дверцу кареты.

– Как можно дальше отсюда, – я на чистом упрямстве, пошатываясь, забралась внутрь, переставляя налившие тяжестью ноги.

– Дальше говоришь... – Лицо мужчины показалось в окошке. – Как скажете, дамочка.

Лошади тронулись, увозя меня в полную неизвестность. Но мне было уже все равно – сжавшись в комок, я лежала на жестком сиденье, трясясь от озноба и бездумно глядя в темный потолок. Юной графини Алианы Розе больше не было,

как не было и Алианы Корнуай. Теперь я была никем, и будущее мое было весьма туманно...

Глава 5

Настоящее

Карета подъехала к особняку ровно в полночь – довольно простая и абсолютно неприметная. Остановив лошадей, возница напряженно взгляделся в темноту, которой был окутан спящий старинный дом, стоявший в глубине парка, и невольно поежился. «Странное место, – подумал мужчина. – Впрочем, это не мое дело, платят, и ладно, у богатых свои причуды».

Фигура, закутанная в черный плащ с надвинутым на лицо капюшоном, возникла перед ним так внезапно, что он даже не понял, откуда она появилась. Лишь лошади испуганно всхрапнули, почувствовав рядом присутствие чужака.

– Едем! – раздался мелодичный, с грудными нотками, голос, и из-под полы плаща показалась изящная женская ручка с темными глянцевыми ноготками, казавшимися в темноте черными и острыми, как когти. Свет полной луны, вышедшей на мгновение из-за туч, замерцал на серебряной монете, что протягивала ему незнакомка. Возница протянул руку, с ужасом отмечая, что его пальцы мелко подрагивают. Что именно его так напугало? Подумаешь, очередная великосветская леди (а в том, что перед ним именно она, мужчина не сомневался) тайно едет к любовнику, эка невидаль! Больше не мешкая, мужчина спрыгнул на землю и приот-

крыл перед леди дверцу кареты, пытаясь заглянуть под капюшон. Но все, что ему удалось увидеть – лишь белоснежную кожу и сочные вишневые губы незнакомки, изогнувшиеся в легкой снисходительной улыбке.

Пожалуй, это был самый необычный в его жизни заказ, потому что леди попросила отвезти ее не в центр, где располагались дома знати, и не в дорогой отель, где частенько инкогнито встречались любовники обоих полов, а... на местное кладбище. Большое, старинное, оно раскинулось на окраине столицы, отделенное от него высокой каменной оградой в два человеческих роста, дабы никто не тревожил покой усопших. Здесь хоронили только богатых и известных людей, и у многих аристократов были свои родовые усыпальницы, размером превышающие иные дома. Огромные мраморные ангелы с белоснежными крыльями, устремившие свои скорбные лики к небу и сложив руки в молитвенном жесте, стояли по обеим сторонам ворот этого царства мертвых. И именно здесь его пассажирка попросила остановить карету.

– Вас подождать, леди? – посчитал своим долгом спросить возница, и с облегчением выдохнул, услышав короткое «нет». Подстегнув лошадей, он поспешил убраться прочь, отчего-то боясь обернуться и посмотреть на ту, что оставил ночью одну, а если бы сделал это, то увидел бы, как незнакомка странной, скользкой походкой – как будто она не шла, а парила над землей, направилась к воротам...

Остановившись перед воротами кладбища и дождавшись, когда трусливый возница, чье рваное биение сердца она чувствовала даже отсюда, скроется за поворотом дороги, молодая женщина внимательно взгляделась в грозных каменных стражей, стоящих у древних врат царства мертвых, и хищно улыбнулась, обнажая зубы с чуть заостренными клыками. Слепые глазницы, казалось, смотрели прямо на нее, желая помешать ей войти внутрь. Усмехнувшись, она достала из складок плаща специальное зелье в хрустальном флаконе, и быстро выпила. Увы, сегодня ей было не обойтись без него. Лошади и так испугались, почувствовав в ней хищника, как и человек. К тому же, зелье позволяло ей, пусть и ненадолго, но не бояться крестов и других атрибутов церкви, а на воротах был изображен именно крест.

– Не в этот раз, мальчики, – незнакомка мельком взглянула на стражей с сурово сжатыми губами, и решительно шагнула вперед, вдруг оказываясь по ту сторону запертых врат. Бесшумной черной тенью она уверенно направлялась в самое сердце кладбища – туда, где располагались усыпальницы древних, знатных родов, зачастую, давно преданных забвению. Построенные на века, они надежно хранили прах своих хозяев.

Около одной из них, выполненной из белоснежного мрамора и украшенной изысканной каменной кружевной резьбой, она остановилась. Лунный свет, заливавший землю,

причудливо выхватывал отдельные надгробия с ангелами, серебра их своим холодным потусторонним светом, отчего казалось, что они оживают, поворачивая к ней свои грустные, неземной красоты лики и расправляя за спиной белоснежные крылья. Какое-то время она, застыв, смотрела на эту картину, а после решительно шагнула внутрь – туда, где ее давным-давно ждали...

...Лишь когда ночь стала уступать свои права зарождающемуся дню, леди вампир вернулась в свой особняк. Сегодня была славная ночь, и охота вполне удалась. Она была довольна впервые за несколько дней. Не вызывая слуг, скинула с себя окровавленную одежду и, оставшись полностью обнаженной, проследовала в роскошную купальню. Пусть она давно уже привыкла к виду крови, все же, леди предпочитала принимать ее внутрь. Вот и теперь она улыбнулась, увидев ведро со льдом, что вышколенные слуги, прекрасно знающие вкусы своей хозяйки, предусмотрительно оставили для нее на изящном столике, стоявшем здесь же, рядом с огромной мраморной ванной. Ведро, в котором рубиновым сердцем застыл фужер с острыми хрустальными гранями, наполненный свежей ароматной кровью.

– Прекрасно! – она медленно поднесла его к губам, смакуя ни с чем не сравнимый вкус и чувствуя, как силы вновь наполняют ее молодое соблазнительное тело.

Глава 6

Прошрое

Возница окликнул меня, когда короткий зимний день уже догорал багряными всполохами заката, а это значило, что мы ехали почти сутки.

– Конечная, дамочка, – объяснил он мне, с недоумением оглядывающейся по сторонам, пытаюсь понять, где я очутилась. – Это Гейсмор, дальше я поворачиваю обратно.

Гейсмор... Городок, расположенный на самой границе, где, кроме гор да лесов, практически ничего нет. Когда-то давно здесь добывали ценный белый мрамор, но с тех пор прошла уже не одна сотня лет, и сейчас пустующие карьеры заполнились водой, образовав потрясающие по своей красоте небольшие озера бирюзового цвета, раскинутые по светло-серому полотну гор. А сам городок давно пришел в упадок, так как никакой работы здесь не было. Вот, пожалуй, и все, что я знала об этой местности.

С трудом выбравшись из почтового дилижанса, я так и осталась стоять на месте, сжимая побелевшими костяшками пальцев свой плащ, и по-прежнему ощущая жуткую слабость и озноб. Что же делать? Куда мне идти дальше?

«Бом-мм!» – как будто в ответ на мои мысли, над опустевшим в этот час городком прокатился глубокий, многократно-усиленный отвесными каменными стенами гор, звон ко-

локола. «Бом-мм» – колокол ударил вновь, и я заозиралась, тщетно пытаюсь понять, откуда идет этот звук. Мне повезло: мимо пробежал припозднившийся мальчишка, судя по виду, чей-то подмастерье, он то и подсказал, что этот колокол отбивает время вечерней молитвы, и находится он в монастыре, что стоит у самого подножия гор.

Колебалась я недолго. По сути, у меня и выхода иного не было, разве что стучаться во все дома и просить взять меня служанкой. Только вот что я умела, живя на всем готовом, в окружении собственных слуг? Вышивать, танцевать и музицировать? Вряд ли эти навыки будут здесь сильно востребованы. А для работы гувернанткой нужны рекомендации. Монастырь же сейчас казался мне наиболее безопасным вариантом, в котором я могла бы на время укрыться и подумать, что буду делать дальше. К нему-то я и направилась, надеясь успеть дойти до захода солнца.

К монастырю вела одна-единственная дорога – узкая настолько, что на ней с трудом могли бы разъехаться два верховых. Впрочем, меня это вполне устраивало. Чем меньше людей его посещают, тем больше шансов, что меня никто не узнает и не найдет в этой глуши. На миг мне вновь вспомнилось все, что случилось со мной недавно, и сердце затопила такая отчаянная боль, что захотелось запрокинуть голову к равнодушному холодному небу и истошно закричать, выплескивая ее наружу, пытаюсь найти в этом хоть толику облегчения. Но я лишь крепче стиснула зубы и ускорила шаг –

темнело в горах слишком быстро, а мне не хотелось, чтобы ночь застала меня в пути.

Увы, чем дальше я шла, тем больше понимала, что до темноты мне никак не успеть. Дорога извивалась и петляла, уводя все дальше в горы, и ей не было ни конца, ни края. Лес по обе стороны от нее темнел, подступая все ближе, как и небо над моей головой, на синем бархате которого уже зажглись первые звезды. Температура стремительно падала, и меня колотило все сильнее, несмотря на то, что я шла на пределе своих возможностей, не обращая внимание на боль и ломоту в теле. Ноги ныли, дыхание вырывалось из горла хрипами и облачками пара, но я запрещала себе останавливаться. У меня не было на это времени. Нельзя. Нужно спешить. Вскоре стемнело настолько, что я видела лишь несколько метров каменного полотна перед собой. И впереди, и позади меня клубился мрак.

Сколько я уже шла так? Казалось, вечность. Иногда я прислушивалась, надеясь различить звуки, выдававшие близкое присутствие людей, но все было тщетно. Здесь стояла оглушительная тишина, как будто я попала в безвременье...

В который раз я беспомощно оглянулась по сторонам, пытаясь понять, не заблудилась ли... Что, если я пропустила ответвление дороги в этой тьме? Куда я иду? И именно в этот момент мне показалось, что я что-то заметила там, на дороге внизу, по которой я шла. Глаза... Глаза рубинового цвета на миг мелькнули во тьме, и мне почудилось, что я слышу

не то странный шелест, не то шепот. Животный ужас вдруг затопил сознание, и я бросилась бежать вперед, несмотря на то, что во мне уже почти не оставалось сил. Мне чудилось, что существо уже совсем рядом, что вот-вот, и его зубы сомкнутся на мне, рывком отбрасывая назад. Рядом с моим лицом вдруг мелькнули белоснежные клыки, и я вскрикнула от ужаса, спотыкаясь и падая на колени, больно ударяясь о камень. И тут же поняла, что дошла: перед мной высилась каменная громада монастырской стены и огромные кованые ворота с тяжелым крестом, сейчас запертые. Это было последнее, что я увидела, рухнув перед ними без чувств прямо на мерзлую землю.

Когда я пришла в себя, то далеко не сразу поняла, где очутилась. Кажется, у меня должна вскоре состояться свадьба... Граф Корнуай... Он... Воспоминания нахлынули разом, затопив сердце и душу, и я беззвучно заплакала... Вспомнила все, что со мной приключилось в том замке, как я бежала от неведомого зверя, преследующего меня в ночи. Значит... я спаслась? Я в безопасности? Я медленно обвела мокрыми от слез глазами помещение, в котором находилась – больше всего это походило на... «Келья», – подсказал мне внутренний голос. Без сомнений, это была именно она.

Крохотная, скудно обставленная – узкая кровать, на которой я лежала, стол, стул – вот и вся мебель. Каменные стены украшал лишь крест, висевший напротив кровати, и взгля-

нув на него, я почувствовала, что мне вновь становится дурно, и беспомощно откинулась на подушку – кажется, моя болезнь не отступила, а только усилилась.

Внезапно низкая дверь отворилась, и в келью вошла женщина. С первого взгляда я поняла: передо мной не простая монахиня. Та, что стояла сейчас передо мной, сложив руки на животе, была очень стара, навскидку я дала бы ей лет девяносто, не меньше. Маленькая, худенькая, немного сгорбленная, она, тем не менее, производила неизгладимое впечатление: все дело в том, что на лице ее, покрытом морщинами, светились на удивление ясные мудрые глаза, светлые, почти прозрачные, и то, что я в них сейчас прочла, заставило мои губы помимо воли вновь задрожать.

– Ну-ну, дитя мое, успокойся, здесь тебе ничего не угрожает, – монахиня, одетая в традиционный черно-белый наряд, прошла вперед и опустилась на стул, мягко смотря на меня. – Я мать Бенедикта, настоятельница этого монастыря, – представилась она. – Как твое имя, дитя?

– Алиана... – тихо произнесла я, пряча глаза.

– Просто Алиана? – от настоятельницы не укрылась моя заминка с именем.

Я кивнула, опустив голову. Кем мне представляться? Я уже не графиня Розе, но я и не графиня Корнуай, прав был виконт – теперь я никто. Он полностью растоптал мою жизнь. Вот так, просто из прихоти.

– Все хорошо... – на мою руку, судорожно стиснувшую

край одеяла, легла маленькая теплая ладонь. – Алиана так Алиана, – мать Бенедикта вздохнула и продолжила. – Ты здесь уже три дня. Мы, как могли, подлечили твое тело, но душу... душу, Алиана, может излечить лишь Всевышний. Помолись ему, откройся и, возможно, тебе станет легче. И знай, что бы с тобой не случилось, здесь, в этом святом месте, ты найдешь защиту от всех своих жизненных бурь. Я выслушаю тебя, когда ты будешь готова.

Мать настоятельница встала, намереваясь уходить, я же, сглотнув тяжелый ком в горле, поняла, что больше не в силах держать все в себе, и схватив ее за руку, умоляюще заглянула в добрые глаза:

– Не уходите, прошу... Я хочу рассказать... Все...

И я действительно рассказала. Сумбурно, сбивчиво, периодически сбиваясь на рыдания, преодолевая стыд и отвращение, но рассказала, не скрывая ничего. Настоятельница должна была знать, кого приютила в стенах своего монастыря – беглянку, возможно, убийцу.

Все то время, что я рассказывала, мать Бенедикта внимательно слушала меня, прикрыв глаза и медленно перебирая маленькими пальцами аметистовые четки на своем запястье.

– Значит, он укусил тебя в шею, – задумчиво произнесла она, когда я закончила свой рассказ словами о том, как оказалась у стен монастыря. – Покажи мне, куда именно.

Удивленная этой просьбой, я дрожащими руками отодвинула высокий ворот сорочки, в которую меня переодели, по-

ка я была без сознания, и мать настоятельница, поднявшись, долго и задумчиво рассматривала то место, где должны были быть две глубокие ранки, а потом, вздохнув, опустилась обратно на стул.

– Так я и думала, – произнесла она, обращаясь скорее к себе, и вновь взглянула на меня, удивленную ее странным поведением. – Там ничего нет, ни следа укуса.

– Да, но... – моя рука взметнулась вверх, пытаюсь нащупать их. Я ведь помню, как ужасно болела шея, когда он ее прокусил, как на грудь мне стекала теплая кровь. Должны были остаться ранки! Как же иначе? Но я нащупала лишь гладкую бархатистую кожу, и шея больше совсем не болела.

– К сожалению, дитя, я не смогу принять тебя в монастырь послушницей, – мать настоятельница тяжело вздохнула, и все во мне оборвалось. «Значит, мне придется уйти», – с горечью подумала я, не в силах вымолвить ни слова, а просто обреченно кивая.

– Ты не сможешь стать невестой Всевышнего, посвятив себя его служению, – продолжала мать настоятельница. – Не сможешь с остальными сестрами посещать храм и работать с ними.

– Я понимаю, – едва слышно прошептала я, чувствуя, что из глаз вновь закапали горячие слезы, и раздумывая о том, что лучший выход для меня – покончить с этим раз и навсегда. – Я сейчас уйду, позвольте только переодеться.

– Алиана, ты меня не дослушала, – мать настоятельница

мягко остановила меня, пытавшуюся подняться с кровати. – Крепись, дитя мое. Мне жаль говорить тебе об этом, но ты больше не человек.

– Что? – наверное, если бы небо разверзлось у меня над головой, я удивилась бы меньше. – Что? – едва слышно повторила я, холодея от ужасного предчувствия.

– Тебя укусил вампир, и ты испила его крови, а значит, сама в скором времени станешь вампиром.

Вампир? Краски схлынули с моего лица, заставив окаменеть. Чудовище из легенд. Проклятый Всевышним. Изгой. Безжалостный убийца. Жуткий монстр, проживающий множество жизней, наделенный невиданной силой. Все это промелькнуло в моих воспоминаниях, как мелькают страницы страшной детской сказки. Вот только, кажется, мать Бенедикта считала, что сказка стала былью. Для меня.

– Не может быть... – прошептала я потрясенно, мотая головой. – Не может этого быть...

– Подумай сама, Алиана. Вспомни, что говорил тебе этот человек. Он укусил тебя и пил твою кровь. И выпил бы досуха, если бы ты не вырвалась и не укусила его в ответ, – мать настоятельница тяжело вздохнула. – Его кровь придала тебе сил бороться с ним, но она же запустила в твоём теле необратимые изменения. Ты уже чувствуешь их? Холод? Странную жажду? Боль?

– Я не... – хотела было возразить я, но замолчала, вспомнив странный озноб, что не оставлял меня последнее вре-

мя. – Мне постоянно холодно, – прошептала, обнимая себя руками. – И крест... Мне становится хуже, если я долго смотрю на него.

Мать настоятельница не ответила, надолго о чем-то задумавшись. Не знаю, о чем думала она, я же размышляла о том, откуда ей может быть столько известно о вампирах? Может, в древнем монастыре есть книги о них?

– Я не буду скрывать от тебя, дитя, – наконец, заговорила она. – Скоро ты станешь опасна для людей – по крайней мере, до тех пор, пока не научишься контролировать свой чудовищный дар. И возможно, тогда тебе все же придется покинуть обитель. Или позволить запереть тебя, чтобы ты никому не причинила вреда. Но до тех пор, пока это не произошло, я буду помогать тебе всем, что в моих силах. Но многое будет зависеть от тебя самой, ты понимаешь?

Я нашла в себе силы лишь кивнуть.

– Ты должна быть сильной, Алиана. Должна бороться, когда сама твоя суть будет искушать тебя совершить грех. Ты будешь жить в полном уединении, не приближаясь ни к кому, кроме меня. Если ты согласна...

– Я согласна! – торопливо воскликнула я. Другого выхода у меня, кажется, и не было. Ведь я потеряла не просто доброе имя, а гораздо большее... свою душу.

Глава 7

Этим же днем мать Бенедикта вывела меня из гостевой кельи и повела за собой куда-то вглубь монастыря. Удивительно, но на пути мы не встретили ни единой живой души – возможно, монахини просто молились или трапезничали. Мы миновали длинные коридоры и вышли на открытую каменную галерею, поддерживаемую толстыми колоннами бежевого цвета, из которой открывался вид на просторный внутренний дворик, сейчас пустующий, а летом, как объяснила мне настоятельница, наполненный цветущими розовыми кустами в кадках. Но наш путь лежал дальше, мимо фруктового сада, что кормил монастырь своими плодами, огорода с пряными травами – туда, где возвышалась каменная башня, одной своей стороной вписанная прямо в скалу.

– Вот уже много веков монастырская библиотека располагается именно здесь, – сказала мать настоятельница, отпирая тяжелый старинный замок одним из ключей, что висели у нее на поясе. – Это было сделано после одного из крупных пожаров, чуть было не уничтоживших ценные книги. Здесь же они в полной безопасности, а ключ от башни есть только у меня.

Мы вошли в круглый холл, залитый узкими полосками света, проникающего через крохотные окошки под потолком, и стали подниматься по витой каменной лестнице.

– Библиотека разделена на ярусы, – мать Бенедикта, по мере того как мы забирались все выше, объясняла мне, как все здесь устроено. – На самых нижних ярусах располагаются книги, что сестры читают чаще всего. Верхние ярусы отданы под самые древние и ценные книги.

– Вы из них столько знаете о вампирах? – вырвалось у меня невольно, и я тут же устыдилась своей несдержанности.

– Не только, дитя. Мы обязательно поговорим с тобой об этом, но чуть позже. А пока, – мы вышли на просторную круглую площадку, расположенную на самом верху, – осмотрись, здесь ты будешь жить.

Я с любопытством рассматривала свое новое жилище. Над моей головой высилась темная крыша башни, поддерживаемая огромными круглыми балками, потемневшими от времени. Маленькие окошки, расположенные по ее периметру, были забраны специальной сеткой, защищающей помещение от незваных пернатых жильцов. В стороне от лестницы, по которой мы поднялись, стояла узкая кровать, рядом с ней – стол с кувшином воды на нем, и подносом, накрытым белым полотенцем. Имелся здесь и стул, сиротливо застывший в простенке между окнами.

– Единственное, о чем я тебя попрошу – не пользоваться свечами. Они опасны для наших книг.

– Хорошо, – я кивнула, принимая ее слова.

– Еду, как и воду, тебе будут оставлять около входа раз в день, по утрам. Грязную посуду и сменное ведро будешь

выносить туда же, вечером.

– Какое ведро? – я с недоумением огляделась и, заметив его под кроватью, покраснела, догадавшись о его назначении.

– Сегодня отдыхай, а завтра я загляну к тебе, и мы подумаем, чем ты могла бы заниматься, – матушка ободряюще мне улыбнулась. – Попробуй помолиться Всевышнему, дитя, и испросить для себя его милости. Для той, чье сердце открыто ему, не нужен святой крест, достаточно и горячей молитвы, запомни это.

Мать Бенедикта давно ушла, я в все продолжала сидеть на жесткой узкой кровати. Плакала, глотая слезы, и молилась, молилась...

Так началась моя жизнь в этом уединенном монастыре. Как я узнала позже, проживало в нем около пятидесяти сестер, многие из которых дали вечный обет молчания. А еще, сестры, в основном пожилого возраста, не были любопытны. Что ж... это меня вполне устраивало. По утрам я неизменно находила перед дверью поднос с едой и кувшин воды, а вечером выставляла пустую посуду и то самое ведро. Мне было неудобно и стыдно, но я понимала, что другого мне предложить пока не могут, и не роптала.

Короткими зимними днями, пока позволял свет, лившийся в узкие окна, я изучала библиотеку и по просьбе настоятельницы занималась составлением каталога особо редких

книг. За эту работу я взялась с особым воодушевлением, надеясь, что найду в них что-то о вампирах, а еще о том... как замедлить свое превращение в проклятое чудовище.

– Едва ли ты найдешь там что-то новое о вампирах. А вот что касается рецепта снадобья, способного тебе помочь остановить изменения... думаю, шанс есть. У нас собрано много старинных травников, – в один из поздних вечеров мать настоятельница в очередной раз повела меня в купальни, располагавшиеся в одной из пещер естественного происхождения, где из земли бил ключ, образывавший небольшое озерцо с ледяной водой. Но рядом всегда стоял чан с горячей водой и несколько дубовых бочек, в которых и проходило мытье. Я с блаженством залезла внутрь одной из них и откинула голову назад, отчего мои волосы темным волнистым водопадом рассыпались почти до земли.

– Откуда же Вы столько знаете о них? – спросила я, с любопытством смотря на мать Бенедикту, которая стояла напротив, устремив взгляд куда-то вдаль.

– Однажды, очень давно, я встречала существо, подобное тому, кто тебя укусил.

– Что? – я резко выпрямилась в воде. – Получается, он не единственный? Есть и другие?

– Думаю да, Алиана, – мать Бенедикта надолго замолчала, но я не торопила ее, зная, что она обязательно продолжит свой рассказ. – Тогда я только что потеряла своего единственного сына... Наследника нашего рода. Мой муж умер

задолго до этого, и все свои надежды я возлагала на Эдгара. Мечтала, как он вернется со службы и встретит достойную девушку, из такого же древнего рода, как наш. Потом у них появятся дети, и в нашей семье вновь зазвучат звонкие голоса и топот маленьких ножек, а роду перестанет грозить исчезновение... А потом... я получила письмо от его командира. Мой Эдгар погиб, защищая товарища от вражеского клинка.

Помню, я пришла в себя уже в спальне, и испуганные слуги сказали, что у меня случился удар, когда я прочла то письмо, но лекарь вовремя приехал и спас меня. Я лежала, равнодушно глядя в потолок, и думала: зачем? Почему я все еще живу? Для кого? Мой дух был слаб, Алиана. Он не хотел бороться. Той ночью я встала, оделась без помощи горничной и тихо вышла из особняка. Я не собиралась возвращаться. Долго шла, пока не оказалась на каком-то мосту. Стояла, вцепившись в перила и смотрела на темную, бурлящую воду. Оно было так близко... избавление. Только отцепить руки, и вода сомкнется надо мной...

Мать настоятельница вновь замолчала, а я невольно вздрогнула несмотря на теплую воду, в которой сидела. Не об этом ли размышляла я сама совсем недавно?

– А затем, – продолжила она свой рассказ, – я встретила ее.

– Кого? – холодея от ужаса, спросила я.

– Леди. Вампира. Она была так красива... Какой-то осо-

бенной, притягательной красотой, которую почувствовала даже я, женщина. Было в ней что-то такое, что заставило меня обернуться, и на время позабыть об обрушившемся на меня горе. Ее облик, чарующий голос... Но главное, слова, что она говорила мне. «Ты уверена, что это выход? – спросила она. – Что ты хочешь закончить свою жизнь именно так, больше ничего не познав в бесконечном полотне бытия?» – мать Бенедикта повернулась ко мне. – Она могла бы убить меня, утолив свою жажду. Но не сделала этого. Не из жалости, нет. В ней не было жалости ко мне, лишь равнодушный, потусторонний холод существа, которому доступно гораздо больше остальных смертных.

Та встреча, Алиана, изменила всю мою жизнь. Вернувшись под утро домой, я уже знала, что буду делать. Написала письмо королю и, получив его благоволение, уединилась в монастыре, в служении Всевышнему. Я никогда и никому не рассказывала об этом... кроме тебя.

Я молчала, потрясенная и тем, что рассказала мне мать настоятельница, и тем, что она решила открыться именно мне. Как будто услышав мои мысли, она вновь заговорила:

– Я рассказала тебе это дитя для того, чтобы ты знала. То, какими мы станем в итоге, определяет не наша суть, а наш дух. Ты понимаешь меня?

Я кивнула. Сейчас я как никогда была полна решимости остаться самой собой... настолько, насколько это вообще было возможно.

Я жила в монастыре уже около месяца, когда матери Бенедикте привезли письмо из столицы. Я видела посыльного, которому сестры открывали ворота. Сердце сжалось – неужели я скоро узнаю, что происходит дома? Да, еще в первые дни моего пребывания здесь, я спросила мать настоятельницу – нельзя ли как-то узнать о том, что говорят о произошедшем со мной в столице? Ведь по традициям, муж должен был представить жену ко двору, к тому же, вряд ли моя семья не нанесла бы графу Корнуаю визит после свадьбы. Или мы не поехали бы к ним – таков был обычай. Но главное, о чем я хотела знать больше всего – правда ли, что я убила виконта? Эта неизвестность мучила меня днем и ночью, заставляя подолгу лежать без сна, глядя в темный потолок над головой, и слушать завывание ветра меж деревянными балками. А еще... еще во мне теплилась надежда, что если я ни в чем не виновата, то смогу отправить весточку семье, по которой я очень скучала, особенно по сестре.

– Вряд ли ты убила его, Алиана, – покачала головой мать Бенедикта, – но даже если так, для всех будет лучше, если ты не будешь встречаться с семьей.

Видя мои поникшие плечи, пожилая женщина погладила меня по голове, мягко привлекая к себе.

– Поплачь, дитя, поплачь, и тебе станет легче. А я подумаю, как узнать, что о тебе говорят в столице. Живет там моя давняя знакомая, бывшая фрейлина покойной королевы. И

если она еще жива, то наверняка знает, что происходит при дворе.

...Мать Бенедикта появилась в библиотечной башне, когда ночь уже полностью вступила в свои права, и лишь неодобрительно покачала головой, когда я темной тенью бросилась ей навстречу, сгорая от нетерпения узнать новости из столицы.

Она спокойно, с достоинством, прошла мимо меня, подавая пример терпения, медленно поднялась по лестнице, и лишь оказавшись на самом верху башни, наконец, заговорила.

– Как я понимаю, посыльного ты видела и теперь хочешь узнать, что было в письме, которое он привез.

– Да! – я села на кровать, сцепив дрожащие пальцы рук. – Что-нибудь удалось узнать? – я и хотела услышать ответ, и одновременно страшилась этого.

– И да, и нет, – ответила мать настоятельница, тяжело вздохнув. – Элоиза написала, что по ее сведениям, семья графа Корнуай, включая его самого, молодую жену и племянника, сразу же после свадьбы отбыла за границу.

– Что? – я непонимающе уставилась на нее. – То есть как отбыла? Что это может значить?

– Это значит, дитя, – проговорила мать Бенедикта, медленно перебирая аметистовые четки, – что тебе не стоит корить себя. Вампир еще жив, и он решил скрыться, чтобы не было лишних вопросов.

– Да, но моя семья...

– Скорее всего, им прислали от имени графа письмо с извинениями. Возможно, вампир сам съездил к ним, чтобы заверить, что ничего странного в вашем скором отъезде нет.

Я замолчала, обдумывая сказанное. Могло ли такое быть? «Могло, – горько шепнул кто-то в моей голове. – Особенно если он, помимо извинений, привез им щедрые подарки».

– Мне жаль, Алиана, – из невеселых мыслей меня вывел голос матери настоятельницы. – Скорее всего, из этой заграничной поездки ни ты, ни старый граф уже не вернетесь. Уверена, вампир сумеет обставить это как несчастный случай, о чем и напишет твоей семье.

– Когда это произойдет? – глухим, показавшимся мне чужим, голосом спросила я. Как Эния отнесется к известию о том, что ее старшая сестра умерла? Наверняка будет сильно горевать, ведь мы были очень близки...

– Кто знает, – матушка смотрела на меня, и в ее лучистых глазах я видела искреннее сочувствие и тепло, которых мне так не хватало последнее время. – Вероятно, уже скоро...

Но вскоре совсем другое заняло все мои мысли, отодвинув тоску по семье на второй план – туда, где эти воспоминания, причиняющие невыносимую боль, лежали, дожидаясь своего часа. Мои изменения начались. Да, я знала, что рано или поздно это произойдет, мать настоятельница предупредила меня. И все же, оказалась совсем не готова. Обыч-

но, встречая мать Бенедикту, я кланялась, целуя протянутую мне руку. Таков был обычай, и я следовала ему неукоснительно, как и другие монахини. Вот и в это утро, когда она заглянула ко мне, я почтительно склонилась, намереваясь поцеловать протянутую мне руку, и тут же дернулась назад, зашипев от жуткой боли, как от ожога.

– Что... – мать настоятельница недоуменно посмотрела на меня, прижимающую руку к груди, перевела взгляд на четки, обвивавшее ее запястье, и в ее глазах отразилось понимание. – Тебе становится хуже, – констатировала она. – Поторопись, дитя, нужно поскорее найти рецепт снадобья, что может помочь тебе остановить, или хотя бы замедлить изменения.

Следующие дни я с рассвета до заката сидела в библиотеке, уходя оттуда лишь для того, чтобы перекусить, и без сил рухнуть на кровать. Аппетита не было, вместо этого мне постоянно хотелось пить. А еще я вдруг осознала, что слишком остро стала чувствовать запахи и лучше видеть в темноте. Иначе как бы я смогла читать книги без свеч, уже в сумерках? Потрясенная этим открытием, я свернулась калачиком и горько заплакала. Глупо было надеяться, что мать Бенедикта ошибается, и я не стану вампиром.

Не знаю, сколько я так лежала, жалея себя. Слезы давно высохли, оставив на щеках соленые разводы, когда я села на кровати, вцепившись пальцами в жесткое деревянное ложе. Кроме меня самой, мне больше не поможет никто. Только в

моих силах попытаться что-то изменить. И я либо успею – до того, как окончательно превращусь в чудовище, либо нет. Как деревянная кукла на шарнирах, я медленно поднялась и направилась к башенной лестнице. У меня нет времени на сон. Мне нужно искать дальше. Войдя в круглый зал, залитый лунным светом, я обвела взглядом тысячи талмудов, что стояли на стеллажах и, тряхнув головой, двинулась к очередному из них. Поиски предстояли долгие.

Глава 8

Настоящее время

Она сидела в небольшом рабочем кабинете, который перделала в особняке под собственный вкус. Отсюда исчезли истинно мужские атрибуты, такие как бар, замаскированный под глобус, картина над камином и многочисленные охотничьи трофеи. Иногда она думала о том, что, реши она украсить кабинет своими трофеями – на стенах не осталось бы свободного места. Впрочем, в этом случае, она не смогла бы принимать здесь тех редких посетителей, которые у нее бывали – они разбежались бы, громко вопя от ужаса. Сейчас стены кабинета были обтянуты бордовым шелком, из него же были выполнены тяжелые портьеры, закрывающие окна, а также обивка кресел и диванчика, что уютно разместился в нише. Мебель из добротного темного дуба, множество очень редких и ценных книг, старинные бронзовые подсвечники, в которых днем и ночью горели толстые свечи – это была ее вотчина, и здесь не было место чужакам и ненавистному солнечному свету.

В дверь постучали, и леди не было нужды спрашивать, кто стоит за ней. Она и так знала это. Чувствовала его запах. Слышала мерное биение сердца.

– Войдите.

Старый дворецкий – высокий, худощавый мужчина, во-

шел, склонившись в коротком поклоне.

– Ваша светлость, доставили утреннюю корреспонденцию, – он передал письма хозяйке и, пока та читала их, почтительно застыл поодаль, ожидая дальнейших указаний.

– Графа Ламбера не принимать, для него меня дома нет и в ближайшее время не будет, – леди скомкала первое письмо и равнодушно отправила его в разожженный камин. Мольбы бывшего любовника о встрече были ей абсолютно не интересны.

– Слушаюсь, Ваша светлость.

Еще несколько писем повторили судьбу первого, и леди взяла в руки последний конверт, выполненный из дорогой плотной бумаги цвета слоновой кости.

«Только этого мне не хватало!» – подумала она, разглядывая сургучную печать короля, на сапфирово-синем фоне которой была изображена корона – главный символ власти.

«Его величество Родерик Первый сообщает вам об открытии 215 зимнего сезона и приглашает на королевский бал...»

Леди вампир, пробежавшись глазами по строчкам, надолго задумалась, глядя на бумагу в своих руках. Во дворец она и сама хотела попасть, но... Что означает это письмо? Банальное любопытство со стороны Его величества, или нечто большее? И, если второе, чем именно она могла себя выдать? Может, кто-то заметил ее ночью? Нет, этого просто не могло быть.

Перед глазами, как наяву, промелькнула сцена последней

охоты. Бесшумно и незаметно войдя в темный дом, стоящий на окраине столицы, в стороне от других жилых домов, она и подумать не могла, что вместо одной жертвы, найдет здесь целых три... О да, их искаженные ужасом лица, когда они увидели внезапно возникшую на пороге закутанную в черный плащ фигуру, доставили ей несравнимое удовольствие. Смазанное, незаметное глазу движение, и она оказалась около одного из них, сжимая пальцы на его шее, впиваясь острыми ногтями в плоть. Он почти не сопротивлялся своей участи, лишь смотрел с удивлением. Слабак. А вот другие два решили продать свою жизнь подороже, бросившись на нее с разных сторон. Но куда им было до нее... Они поймали лишь воздух, а леди вампир, оказавшись за спиной одного из них, убила его до того, как он успел понять, что случилось. А потом... обернулась к третьему, в ужасе попятившемуся к стене.

– Не убивай, прошу... Забирай что хочешь! Деньги? Драгоценности? Я отдам все, что пожелаешь, только скажи.

– Конечно, отдашь, – ответил ему чарующий голос, от которого по спине мужчины пробежала ледяная волна ужаса, ведь для него он был ужаснее шипения самой ядовитой змеи.

– Где они?

– В к-комнате... С-соседней... – мужчина начал заикаться от страха.

– Отлично, – красивые вишневые губы растянулись в улыбке, и мужчина выдохнул с облегчением, а уже в следую-

щее мгновение безжизненным кулем осел на пол. Равнодушно переступив через мертвое тело, леди вампир отправилась дальше. У нее оставалось здесь еще одно незавершенное дело, и она не собиралась уходить, не забрав то, что должна была...

Вырвавшись из плена собственных мыслей, леди вздохнула. В любом случае, от приглашения короля отказаться нельзя, значит, ей придется поехать. Она обернулась к дворецкому, все еще ожидающему ее дальнейших распоряжений.

– Теодор, вызовите ко мне модистку.

– Хорошо, Ваша светлость.

– Кстати, я слышала, твоя внучка скоро выходит замуж? – молодая женщина подняла на него взгляд своих колдовских янтарно-вишневых глаз.

– Да, Ваша...

– Оставь, – оборвала она его, не желая больше слышать столь ненавистный ей титул. «Ее светлость, подумать только! Насмешка Всевышнего, не иначе», – подумала она, доставая из верхнего ящика стола маленький бархатный мешочек, и протягивая его дворецкому.

– Это в качестве приданого, и можешь взять себе выходной в день ее свадьбы.

– Ваша... Леди Лилиан, вы очень щедры, – голос дворецкого задрожал.

– Можете идти, Теодор.

Леди не любила проявлений чувств и меньше всего хоте-

ла видеть слезы растроганного до глубины души старика. Ей достаточно было безоговорочной преданности слуг, что она наняла несколько месяцев назад, переехав в предместье столицы, в этот уединенный старинный особняк. Тех, кто служил ей сейчас, она отбирала лично, чувствуя даже малейшую фальшь в словах, видя ее в глазах. Условия найма были строги – постоянное проживание в особняке и ограничение контактов с родными, кроме того, каждый из слуг был связан магической клятвой о неразглашении того, что увидит или услышит здесь. Она не доверяла никому, и знала, что малейшая ошибка – и ее погонят, как дикого зверя. А это в ее планы не входило. По крайней мере, пока...

«Может, Фабиан что-то заподозрил? – она вспомнила златоволосого молодого эльфа, которого отлучила от своего тела, и который, кажется, до сих пор так и не понял, что их связь закончилась. – Нет, вряд ли. Он не мог увидеть и услышать ничего лишнего». Отбросив от себя тревожные мысли, леди вампир поднялась и медленно направилась к окну, раздвигая портьеры. Последние лучи заходящего солнца бросали кровавый отсвет на разлинованную длинными тенями землю, отчего казалось, что стены особняка окрасились красным. Близились ночь.

«Мне придется поехать на бал, – подумала она, – а значит, с охотой несколько дней придется повременить. Нужно понять, зачем именно Его величество желает меня видеть. Впрочем... – она чарующе улыбнулась, обнажая небольшие

кльки, – возможно, во дворце я тоже встречу что-нибудь интересное... или кого-нибудь».

Ее знали в столице под именем герцогини Лилиан де Виллар, и лишь очень немногие были удостоены права называть ее просто – Лили.

Лилиан – прекрасный цветок черной лилии, дурманящий и сводящий с ума своим ароматом. Лили(т) – княгиня ада, чудовище, жаждущее крови невинных.

Ее жертвы видели лишь черную тень в ночи, прежде чем их глаза закрывались навечно.

Немногочисленные свидетели описывали женскую фигуру, завернутую в черный плащ, перемещавшуюся так быстро, что невозможно было успеть проследить, куда она исчезла, растворяясь в ночи, как будто она сама была ею.

Она сочетала в себе все это, но того, какой она была на самом деле, не знал, пожалуй, никто...

Она была Княгиней Ночи.

Глава 9

Прошлое

В результате долгих поисков мне, наконец-то, улыбнулась удача. В старинном травнике, судя по приписке неизвестного монаха, отобранном у одной из ведьм, и помещенном в святые стены монастыря, я нашла рецепт необычного зелья. Оно был необычайно сложным и состояло из множества ингредиентов, однако, создавшая его уверяла, что оно «на время может заглушить иную суть». Я не была уверена, что речь шла о вампирах, возможно, ведьма имела в виду что-то другое? В любом случае, я собиралась попробовать изготовить его, благо у монастыря были обширные запасы самых разнообразных трав, используемых для врачевания, и какова же была моя радость, когда я, спустя пару недель экспериментов, выпив полученную жидкость странного темно-зеленого цвета, впервые за несколько недель смогла прикоснуться к кресту, не почувствовав боли. Да, оно не было тем, что я так отчаянно искала, и все же, это было лучше, чем совсем ничего.

С того момента, как мне стало доступно зелье, жизнь моя расцвела новыми красками. Теперь я могла не сидеть в библиотечной башне дни напролет, а выходить на свежий воздух, гуляя меж плодовых деревьев и наслаждаясь ароматами пряных трав и цветов. Здесь, в тени деревьев, стояла широ-

кая каменная скамья, нагретая лучами солнца, на которой было приятно посидеть, наблюдая, как оно медленно катится по золотисто-жемчужному небосклону. Особенно я любила долгие беседы с матерью Бенедиктой, которая стала для меня многим больше, чем просто доброй настоятельницей – она была мне, скорее, бабушкой, которую я в своей жизни не знала.

А за окнами тем временем всюду цвела весна – пьянящая, яркая, и, наверное, впервые за все то время, что я находилась в стенах монастыря, я улыбалась, глядя на безмятежное голубое небо, беспечных птах, поющих в изумрудной листве, и целуя бархатные лепестки божественно-пахнущих роз, что расцвели во внутреннем дворе монастыря. Теперь я могла заходить и во внутренние помещения, навещая мать настоятельницу в ее рабочем кабинете или с интересом изучая все дальние закутки древнего величественного здания. Монахини, с которыми я иногда пересекалась, думаю, догадывались, что со мной что-то не так, однако ни словом, ни взглядом не выражали своего удивления.

Так прошло несколько лет. По-своему, счастливых, спокойных, как будто жизнь за высокими стенами монастыря текла по каким-то другим, собственным законам. И мне казалось, что так будет всегда. Но увы, жизнь уже готовила для меня новые испытания...

...Это все же произошло. То, о чем предупреждала меня мать Бенедикта. И, несмотря на то, что я знала, что рано или

поздно это должно было случиться, все равно оказалась абсолютно не готова к тишине, что вдруг окутала меня однажды утром, стоило мне проснуться. Я лежала в своей кровати и пыталась понять, что изменилось вокруг. Тишина... Странная, пугающая. Я медленно села, еще не желая поверить в то, что случилось. Тишина была не вокруг, нет. Тихо стало у меня внутри, и я не сразу поняла, что мое сердце перестало биться. Когда это произошло? Ночью, когда я спала? Но почему? Почему сейчас, я ведь так надеялась... Болезненный ком застрял в горле, мешая вздохнуть.

Все эти годы мне казалось, что мое состояние не меняется, как и мое тело, что расцвело и застыло на отметке прекрасной юности. Я по-прежнему отчаянно искала информацию о том, как мне исцелиться, штудировав книгу за книгой в поисках хоть какой-нибудь зацепки, намека. Все эти годы искала, добравшись до самых старых, ветхих талмудов, с трудом разбираясь в написанном на древних языках, которые мне тоже пришлось изучить. Ради спасения. Я так старалась, так спешила... Я возносила долгие молитвы в своей комнате в библиотечной башне, даже несмотря на то, что по-прежнему не смела переступить порог храма, чувствуя себя оскверненной. Неужели то была лишь иллюзия, и Всевышний не слышал меня? Неужели все было напрасно, и пока я верила в то, что не стану чудовищем, я медленно, но верно, незаметно от себя самой, становилась им?

Я судорожно всхлипнула, борясь с подступающими ры-

даниями, и приложила руку к сердцу, надеясь все же услышать... Но оно... молчало. Мое сердце больше не билось, а я... все еще была жива. Не в силах больше сдерживаться, я рухнула на постель и разрыдалась, кусая подушку, чтобы она заглушала мои отчаянные крики. Почему, Всевышний, ответь!? За что?? Почему ты не даровал мне исцеление?? Почему сейчас, когда я почти поверила в то, что смогу жить как раньше? Увы, ответа не было.

Не знаю, сколько я так пролежала. Слезы давно высохли, и мысли потекли в другом направлении. Сколько времени у меня осталось до того, как я почувствую жажду крови? Неделя? Месяц? Что будет после этого? То, что мне придется покинуть монастырь, было для меня очевидным, я не имела права подвергать опасности его обитателей, что были ко мне так добры. Но куда я пойду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.